

Шарх Хайси

РУБЛИ

СН0000033566

84 (5Т2А*)

X 32

Оллар Хатиралар

Рубаи

Ташкент
«Ўзбекистан»
2016

УДК: 821.222.8-1
ББК 84(5Тад)
Х 15

Составитель и художник
ЛЮБОВЬ КУЧКАРОВНА БАБАЕВА

ISBN 978-9943-28-686-3

© Л.К. Бабаева (сост.), 2016
© ИПТД «Узбекистан», 2016

Oslovlap Xalil

Pybal

Nizomiy nomli
T D P U
kutubxonasi

926760

ЦАРЬ ФИЛОСОФОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Омар Хайям — всемирно известный классик персидско-таджикской поэзии, ученый-энциклопедист, математик, астроном, поэт и философ. Полное имя — Гияс ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури.

По оставшимся научным трудам Омара Хайяма и сообщениям современников установлены некоторые детали его биографии. Родился в 1048 году в Нишапуре. Сведений о родителях не сохранилось, однако литературное имя поэта — Хайям (что в переводе означает «палаточник» или «палаточных дел мастер») — указывает на то, что он происходил из сословия ремесленников. Семья, как видно, располагала достаточными средствами, так как обеспечила ему возможность обучаться в престижных учебных заведениях того времени. Омар Хайям окончил в Нишапуре высшее духовное медресе, считавшееся в то время одним из лучших в Иране и готовившее в своих стенах священнослужителей и чиновников высшего ранга. Свое образование он продолжил в крупнейших центрах науки того времени: Самарканде и Балхе, крупных культурных центрах Средней Азии и Хорасана. За годы учения он овладел всеми

науками, традиционно включаемыми в круг средневековой образованности: математикой, физикой, астрономией, философией, теософией, правоведением, а также историей, корановедением и основами стихосложения, изучал труды корифеев античной науки: Архимеда, Евклида, Птолемея и Аристотеля. В совершенстве изучив арабский язык, который являлся языком священного писания мусульман, языком книжности и науки, Хайям стал настоящим знатоком арабской и персидской поэзии. Увлекался он и изучением теории музыки.

Первый успех на научном поприще пришел к Омару Хайяму, когда он в возрасте 25 лет написал «Трактат о доказательствах проблем алгебры и ал-мукаббалы». Сразу же Хайям становится придворным ученым, которому покровительствуют правители-меценаты. До 1074 г. он служит при дворе наследного принца в Бухаре, а затем получает приглашение ко двору правителя могущественной династии Сельджукидов Малик-шаха в Исфахан, бывший в то время столицей Ирана, где он возглавил крупнейшую астрономическую обсерваторию. Здесь с группой астрономов Хайям разработал новый календарь, более точный по сравнению с григорианским, который вводит в действие в 1079 г. В 1077 г. он завершает работу над книгой «Комментарии к трудным постулатам книги Евклида». Считается, что в своих работах по математике Омар Хайям обогнал современную ему европейскую науку не менее чем на 500 лет.

Исправляя должность врача и астролога при наместнике Хорасана, Омар Хайям в 1097 году пишет трактат на языке фарси «О всеобщности бытия».

После смерти правителя Малик-шаха Хайям впал в немилость и был вынужден покинуть Исфахан, который с его отъездом теряет значение научного и культурного центра. Обсерватория была закрыта, а вскоре и сама столица династии Сельджукидов была перенесена в Мерв.

Фактически изгнанный, Хайям возвращается в свой родной город Нишапур, где и проводит остаток своих дней, покидая его всего лишь несколько раз. Целью его поездок станут краткие поездки в Бухару и Балх, а также длительное (через весь Ближний Восток) паломничество в Мекку. В последние годы Хайям ведет замкнутый образ жизни. Преподает в медресе, общаясь с очень ограниченным кругом учеников.

Последние 10–15 лет жизни Хайям проводит в уединении в Нишапуре, мало общается с людьми и много читает.

Умер Омар Хайям в 1131 году. О его кончине существует следующая легенда. Поэт читал «О божественном» из «Книги исцеления» Авиценны. Дойдя до главы «Единое и множественное», он вложил между листами золотую зубочистку, которую держал в руках, и закрыл фолиант. Затем позвал близких учеников, сделал завещание и после этого не принимал ни пищи, ни питья. Исполнив молитву на сон грядущий, он произнес: «Боже! По мере своих сил я старался познать Тебя. Прости меня! Поскольку я познал Тебя, постольку я к Тебе приблизился». С этими словами на устах Хайям и умер.

Уже при жизни он был награжден титулами «Доказательство Истины» и «Царь философов Запада и

Востока», а в средневековых исторических сочинениях и ученых трактатах его называют мудрецом.

Как видим, биография Омара Хайяма мало отличается от типичной биографии ученых, стремительно поднимавшихся на вершину служебной лестницы при одних правителях, интересы которых совпадали с их научными познаниями, и впадавших в опалу, когда на смену приходили другие правители.

Большинство дошедших до нас сведений об Омаре Хайяме касается прежде всего его ученых занятий и деятельности как придворного астролога. Достаточно близкие к Омару Хайяму по времени биографы говорят в основном о его учености и научных трактатах. Как поэта его не признавали, хотя и обойти молчанием поэтическое творчество не могли, а потому ограничивались высказываниями типа «у него много хороших арабских и персидских стихов», «ему принадлежат всему свету известные трактаты и несравненные стихи». Ибн Ал-Кифти пишет о стихах, «жалящих как змея».

Творчество Омара Хайяма — удивительное явление в истории культуры народов Средней Азии и Ирана, всего человечества. Если его труды принесли огромную пользу в развитие наук, то замечательные четверостишия — рубаи — до сих пор покоряют читателей своей предельной емкостью, лаконичностью, простотой изобразительных средств, гибким ритмом.

«Рубаи» (множественное число — «рубайят») в переводе с арабского — «учетверенный». Это собственно персидская форма поэзии, появившаяся в IX веке.

Метр рубаи не совпадает ни с одним из метров, к

которым обращались арабские поэты. Как правило, в первом бейте (двустииши) дается посылка, а в третьем полустишии второго бейта — вывод, закрепленный афористической сентенцией четвертого полустишия. Даже любовные темы в рубаи раскрываются не столько через эмоции, сколько посредством философских раздумий.

По-видимому, первым в письменную поэзию такие четверостишия ввел Рудаки. Омар Хайям утвердил внутренние законы рубаи, выгранил, отшлифовал и трансформировал эту стихотворную форму в новый философско-афористический поэтический жанр. Он сделал жанр рубаи широко известным, довел эту поэтическую форму до совершенства, оставил потомкам вечное послание, проникнутое редкостной свободой духа.

Каждое его четверостишие — это законченная миниатюрная поэма. В каждом из четверостиший есть крупица юмора и (или) мудрости.

Позднее, под влиянием персидской культуры, жанр рубаи был адаптирован в других странах.

Философия Омара Хайяма созвучна идеалам деятелей эпохи Возрождения. Хайям ненавидел и обличал существующие порядки и пороки, царившие в обществе. В своих строках он очень высоко ценит человека:

Цель Творца и вершина творения — мы.

Мудрость, разум, источник прозрения — мы.

Этот круг мироздания перстню подобен. —

В нем граненый алмаз, без сомнения, мы.

(Пер. Н. Стрижкова)

* * *

Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

(Пер. Г. Плисецкого)

Не сближает ли это Хайяма с великими гуманистами эпохи Ренессанса, которые считали человека «мерой всех вещей», «венцом Вселенной» и боролись за возвращение человеку утраченного достоинства?

Хайям страстно желал переустройства мира и делал для этого все, что в его силах: открывал законы природы, устремляя взгляд на звезды, вникал в тайны мироздания и помогал людям освобождаться от духовного рабства.

В творчестве Омара Хайяма немало сложных и противоречивых проблем. Хайям часто впадал в пессимизм и фанатизм, что было широко распространено в средневековье. Скептическое отношение к жизни на земле, отрицание этой жизни, отшельничество было широко распространено в то время на Востоке. Этот мир считался временным и преходящим. Богословы и философы придерживались мнения, что вечную жизнь и блаженство можно найти только после смерти. Все это не могло не найти своего отражения в творчестве Омара Хайяма. Ученый, сумевший в области математики, астрономии и физики намного опередить свое время, пережил немало трагических моментов и в ряде своих рубаи говорит о фатальности, невозмож-

ности предотвращения рока, порой впадает в пессимизм.

Что миру до тебя? Ты перед ним — ничто:

Существование твое лишь дым, ничто.

Две бездны с двух сторон небытия зияют

И между ними ты, подобно им, — ничто.

(Пер. О. Румера)

Однако поэт также любил и реальную жизнь, протестовал против ее несовершенства и призывал наслаждаться каждым ее мигом, невзирая на то, что существующие нравы и инквизиция не разделяли и преследовали подобные взгляды на жизнь. Даже в тех четверостишиях Хайяма, в которых, на первый взгляд, очень сильны пессимистические мотивы, мы в подтексте видим горячую любовь к реальной жизни и страстный протест против ее несовершенства, призыв к духовному развитию.

Попытки истолковать рубаи предпринимались неоднократно. Э. Фитцджеральд сосредоточился на материалистической трактовке. Иранский исследователь Мухаммад-Али Фуруги считал Хайяма прежде всего правоверным мусульманином, а потом уже суфием, чьи взгляды, однако, не выходят за рамки ортодоксального ислама. В суфийском духе толковал рубаи Хайяма его французский издатель Николя, а позднее — В.А. Жуковский, Свами Говинда Тиртха, полагавшие, что поэтическое творчество Хайяма нельзя понимать буквально. Он говорит метафорами и аллегориями.

Джаннат Сергей Маркус, исламский культуролог, приводит слова профессора Чарльза Хорна: «Для многих жителей Запада будет неожиданностью узнать, что в Персии нет споров относительно стихов Омара и их значения: автор почитается как великий религиозный поэт. Восхваление им вина и любви представляет собой классические суфийские метафоры: под вином понимается духовная радость, а любовь — восторженная преданность Богу...».

Омар Хайям облакал свои мысли в словесную символику, используя лексику житейского плана для выражения своего духовного мира. Это давало возможность свободно изложить то, чего нельзя было сказать вслух открытым текстом. Он использовал методы суфиев, с учением и творчеством которых был хорошо знаком, у которых выражение земной любви символизировало любовь к Богу, встреча с возлюбленной — поиск путей к Богу, озарение. Под вином подразумевались источник мудрости, божественная благодать, достижение божественного экстаза. Гончар, гончарная мастерская — взаимоотношения между Творцом, миром и человеком. «Я спрятал свою истину за семью печатями и сорока замками, чтобы злое стадо людей не использовало эту истину во имя зла», — писал великий ученый.

Рубаи Омара Хайяма покоряют своей предельной логической точностью, образностью, простотой изобразительных средств и ритмичностью, будоражат мысли, заставляют людей размышлять и спорить о мире, о жизни, о счастье. В безукоризненном четверостишии Омара Хайяма умещается весь жизненный опыт че-

ловека; это и веселый спор с судьбой, и печальные беседы с вечностью, и спор с Богом о справедливости и разумности мироздания, и попытка раскрыть тайны бытия. Емкие, несмотря на предельную аскетическую краткость, лаконичные, стихи покоряют глубиной философской мысли.

Резки и пасквильно язвительны те из них, которые порицают святош, обращены против ханжества и срывают маску показного благочестия.

В четверостишиях о смысле жизни, о ценности каждого ее мгновения, о духовности человека каждый из читателей найдет созвучие собственным мыслям, нечто, затрагивающее сокровенные струны души, навещающее на размышления о непреходящих ценностях.

Будучи по форме исконно народными, рубаи Хайяма, и при его жизни, и после смерти, породили множество подражаний. Поэтому установить подлинность тех или иных списков и их атрибуцию, очертить реальные границы творчества Омара Хайяма достаточно сложно. Исследователи расходятся в оценке количества рубаи. Общее их число достигает нескольких тысяч, но, по мнению многих ученых, ядро истинных стихов Хайяма не превышает ста.

О поэзии Омара Хайяма исследователи судят по-разному. Некоторые считают, что поэтическое творчество было для него просто забавой, которой он предавался в свободное от основных научных занятий время. Но рубаи Хайяма, независимо от временных и национальных границ, пережили века и династии, дошли до наших дней, переведены на многие языки мира и имеют

историческое значение. Рубаи Омара Хайяма — классика средневековой восточной поэзии, которая и по сей день привлекает к себе внимание всех ценителей мудрого слова.

Научное и литературное наследие Омара Хайяма служило и служит человеку, являясь яркой страницей в культуре народов мира.

1

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятного нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно!
Вот последняя правда, открытая мной.

2

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Все еще не зачислен в разряд мастеров...

3

И пылинка — живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой* яснолицей была!

4

Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит:
«Это — я!»

9

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
Ни один разгадать ее толком не смог.

10

Видишь этого мальчика, старый мудрец?
Он песком забавляется — строит дворец.
Дай совет ему: «Будь осторожен, юнец,
С прахом мудрых голов и влюбленных
сердец!»

11

Управляется мир Четырьмя и семью.
Раб магических чисел — смиряюсь и пью.
Все равно семь планет и четыре стихии
В грош не ставят свободную волю мою!

12

В колыбели — младенец, покойник — в гробу:
Вот и все, что известно про нашу судьбу.
Выпей чашу до дна — и не спрашивай много:
Господин не откроет секрета рабу.

17

Вместо сказок про райскую благодать
Прикажи нам вина поскорее подать.
Звук пустой — эти гурии, розы, фонтаны...
Лучше пить, чем о жизни загробной гадать!

18

Ты едва ли былых мудрецов превзойдешь,
Вечной тайны разгадку едва ли найдешь.
Чем не рай тебе — эта лужайка земная?
После смерти едва ли в другой попадешь...

19

Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
Твой шатер подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой, укрыта —
Берегись, ибо колья палатки слабы!

20

Те, что веруют слепо, — пути не найдут,
Тех, кто мыслит, — сомнения вечно гнетут.
Опасаясь, что голос раздастся однажды:
«О невежды! Дорога не там и не тут!»

Иван Грозный
1547
Иван Грозный

21

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

22

Недостойно — стремиться к тарелке любой,
Словно жадная муха, рискуя собой.
Лучше пусть у Хайяма ни крошки не будет,
Чем подлец его будет кормить на убой!

23

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего —
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

24

Вижу смутную землю — обитель скорбей,
Вижу смертных, спешащих к могиле своей,
Вижу славных царей, луноликих красавиц,
Отблоставших и ставших добычей червей.

25

Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед!

26

Все, что видим мы, — видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей — не видна.

27

Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы.
Рассказали нам несколько сказочек на ночь —
И отправились, мудрые, спать, как и мы.

28

Удивленья достойны поступки Творца!
Переполнены горечью наши сердца.
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.

29

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего не измерим.

30

В поднебесье светил ослепительных тьма,
Помыкая тобою, блуждает сама.
О мудрец! Заблуждаясь, в сомненьях теряясь,
Не теряй путеводную нитку ума!

31

Так как истина вечно уходит из рук —
Не пытайся понять непонятное, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук!

32

Ты с душою расстанешься скоро, поверь.
Ждет за темной завесою тайная дверь.
Пей вино! Ибо ты — неизвестно откуда.
Веселись! Неизвестно — куда же теперь?

33

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое!

34

Когда с телом душа распротится, скорбя,
Кирпичами из глины придавят тебя
И бездушное, ставшее глиною, тело
Пустьят в дело, столетие погоды.

35

Где мудрец, мироздания постигший секрет?
Смысла в жизни ищи до конца своих лет:
Все равно ничего достоверного нет —
Только саван, в который ты будешь одет...

36

Тот, кто следует разуму, — доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

37

Здесь владыки блистали в парче и в шелку,
К ним гонцы подлетали на полном скаку.
Где все это? В зубчатых развалинах башни
Сиротливо кукушка кукует: «Ку-ку»...

38

Этот старый дворец называется — мир.
Это царский, царями покинутый, пир.
Белый полдень сменяется полночью черной,
Превращается в прах за кумиром кумир.

39

Где Бахрам* отдыхал, осушая бокал,
Там теперь обитают лиса и шакал.
Видел ты, как охотник, расставив капканы,
Сам, бедняга, в глубокую яму попал?

40

Если низменной похоти станешь рабом —
Будешь в старости пуст, как покинутый дом,
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и — куда же потом?

41

В прах судьбою растертые видятся мне,
Под землей распростертые видятся мне,
Сколько я ни вперяюсь во мрак запредельный:
Только мертвые, мертвые видятся мне...

42

Вижу: птица сидит на стене городской,
Держит череп в когтях, повторяет с тоской:
«Шах великий! Где войск твоих трубные клики?
Где твоих барабанов торжественный бой?»

43

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чаши гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

44

Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей,
Издеваться над глиной, над прахом людей?
Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна*
Положил в колесо. Ты — безумец, ей-ей!

45

Я кувшин что есть силы об камень хватил.
В этот вечер я лишнего, видно, хватил.
«О несчастный! — кувшин возопил. — И с тобою
Точно так же поступят, как ты поступил!»

46

Слышал я: под ударами гончара
Глина тайны свои выдавать начала:
«Не топчи меня! — глина ему говорила. —
Я сама человеком была лишь вчера».

47

Поглядите на мастера глиняных дел:
Месит глину прилежно, умен и умел.
Приглядитесь внимательней: мастер —
безумец,
Ибо это не глина, а месиво тел!

48

Сей кувшин, принесенный из погребка,
Был влюбленным красавцем в былые века.
Это вовсе не ручка на горле кувшинном,
А обвившая шею любимой рука.

49

Ни держава, ни полная злата казна —
Не сравнятся с хорошею чаркой вина!
Ни венец Кей-Хосрова*, ни трон Фаридуна
Не дороже затычки от кувшина!

50

На зеленых коврах хорасанских полей
Вырастают тюльпаны из крови царей.
Вырастают фиалки из праха красавиц,
Из пленительных родинок между бровей...

51

В этой тленной Вселенной в положенный срок
Превращаются в прах человек и цветок.
Кабы прах испарялся у нас из-под ног —
С неба лился б на землю кровавый поток!

52

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О жестокое небо! Едва распустилась —
Как уже осыпается роза моя.

53

Половина друзей моих погребена.
Всем судьбой уготована участь одна.
Вместе пившие с нами на празднике жизни
Раньше нас свою чашу испили до дна.

54

Книга жизни моей перелистана — жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность — птица: не помню, когда прилетела
И когда унеслась, легкокрылая, в даль.

55

Мастер, шьющий палатки из шелка ума,
И тебя не минует внезапная тьма.
О Хайям! Оборвется непрочная нитка.
Жизнь твоя на толкучке пойдет задарма.

56

Мы — послушные куклы в руках у Творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене Всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

57

Даже гений — творенья венец и краса —
Путь земной совершает за четверть часа.
Но в кармане земли и в подоле у неба
Живы люди — покуда стоят небеса!

58

Люди глеют в могилах, ничем становясь.
Распадается атомов тесная связь.
Что же это за влага хмельная, которой
Опоила их жизнь и повергнула в грязь?

59

Я спустился однажды в гончарный подвал,
Там над глиной гончар, как всегда, колдовал.
Мне внезапно открылось: прекрасную чашу
Он из праха отца моего создавал!

60

Разорвался у розы подол на ветру.
Соловей наслаждался в саду поутру.
Наслаждайся и ты, ибо роза — мгновенна,
Шепчет юная роза: «Любуйся! Умру...»

61

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира.
У кого бы мне справиться: как там дела?

62

В детстве ходим за истиной к учителям,
После — ходят за истиной к нашим дверям.
Где же истина? Мы появились из капли,
Станем — ветром. Вот смысл этой сказки,
Хайям!

63

О невежды! Наш облик телесный — ничто,
Да и весь этот мир поднебесный — ничто.
Веселитесь же, тленные пленники мига,
Ибо миг в этой камере тесной — ничто!

64

Все, что в мире нам радует взоры, — ничто.
Все стремления наши и споры — ничто,
Все вершины Земли, все просторы — ничто.
Все, что мы волочем в свои норы, — ничто.

65

В этом мире ты мудрым сывешь? Ну и что?
Всем пример и совет подаешь? Ну и что?
До ста лет ты намерен прожить? Допускаю,
Может быть, до двухсот проживешь. Ну и что?

66

Что есть счастье? Ничтожная малость. Ничто.
Что от прожитой жизни осталось? Ничто.
Был я жарко пылавшей свечой наслажденья.
Все, казалось, — мое. Оказалось — ничто.

67

Если будешь всю жизнь наслаждений искать:
Пить вино, слушать чанг* и красавиц ласкать —
Все равно тебе с этим придется расстаться.
Жизнь похожа на сон. Но не вечно же спать!

68

Этот мир — эти горы, долины, моря —
Как волшебный фонарь. Словно лампа — заря.
Жизнь твоя — на стекло нанесенный рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.

69

Я нигде преклонить головы не могу.
Верить в мир замогильный — увы! — не могу.
Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
Хоть бы стеблем зеленой травы, — не могу.

70

Жизнь — пустыня, по ней мы бредем нагишом.
Смертный, полный гордыни, ты просто смешон!
Ты для каждого шага находишь причину —
Между тем он давно в небесах предreshен.

71

Вместо солнца весь мир озарить — не могу,
В тайну сущего дверь отворить — не могу.
В море мыслей нашел я жемчужину смысла,
Но от страха ее просверлить не могу.

72

Ухожу, ибо в этой обители бед
Ничего постоянного, прочного нет.
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет.

73

Так как собственной смерти отсрочить нельзя,
Так как свыше указана смертным стезя,
Так как вечные вещи не слепишь из воска —
То и плакать об этом не стоит, друзья!

74

Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

75

Ты не волен в желаньях своих и делах?
Все равно будь доволен: так хочет Аллах!
Следуй разуму: помни, что брненное тело —
Только искра и капля, только ветер и прах...

76

Веселись! Ибо нас не спросили вчера.
Эту кашу без нас заварили вчера.
Мы не сами грешили и пили вчера —
Все за нас в небесах предрешили вчера.

77

Бренность мира узрев, горевать погоди!
Верь: недаром колотится сердце в груди.
Не горюй о минувшем: что было — то сплыло.
Не горюй о грядущем: туман впереди...

78

Если б мог я найти путеводную нить,
Если б мог я надежду на рай сохранить, —
Не томился бы я в этой тесной темнице,
А спешил место жительства переменить!

79

В этом замкнутом круге — крути не крути —
Не удастся конца и начала найти.
Наша роль в этом мире — прийти и уйти.
Кто нам скажет о цели, о смысле пути?

80

Изваял эту чашу искусный резец
Не затем, чтоб разбил ее пьяный глупец.
Сколько светлых голов и прекрасных сердец
Между тем разбивает напрасно Творец!

81

Двери в рай всемогущий Господь затворил
Для того, кто из глины бутыль сотворил.
Как же быть, милосердный, с бутылью
из тыквы?

Ты об этом, по-моему, не говорил!

82

Заглянуть за опущенный занавес тьмы
Неспособны бессильные наши умы.
В тот момент, когда с глаз упадет завеса,
В прах бесплотный, в ничто превращаемся мы.

83

Часть людей обольщается жизнью земной,
Часть — в мечтах обращается к жизни иной.
Смерть — стена. И при жизни никто не узнает
Высшей истины, скрытой за этой стеной.

84

Мы бродили всю жизнь по горам и долам,
Путь домой находили с грехом пополам.
Но никто из ушедших отсюда навеки
Не вернулся обратно, не встретился нам.

85

Ни от жизни моей, ни от смерти моей
Мир богаче не стал и не станет бедней.
Задержусь ненадолго в обители сей —
И уйду, ничего не узнавши о ней.

86

Ты не слушай глупцов, умудренных житем.
С молодой уроженкой Тараза вдвоем
Утешайся любовью, Хайям, и питьем,
Ибо все мы бесследно отсюда уйдем...

87

Видит Бог: не пропившись, я пить перестал,
Не с ханжой согласившись, я пить перестал.
Пил — утешить хотел безутешную душу.
Всею душою влюбившись, я пить перестал.

88

Были б добрые в силе, а злые слабы —
Мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы!
Если б в мире законом была справедливость —
Не роптали бы мы на превратность судьбы.

89

Тайну вечности смертным постичь не дано.
Что же нам остается? Любовь и вино.
Вечен мир или создан — не все ли равно,
Если нам без возврата уйти суждено?

90

И седых стариков, и румяных юнцов —
Всех одно ожидает в конце-то концов.
Задержаться в живых никому не удастся —
Не помилует смерть ни детей, ни отцов.

91

Все цветы для тебя в этом мире цветут,
Но не верь ничему — все обманчиво тут.
Поколения смертных придут — и уйдут,
Рви цветы — и тебя в свое время сорвут.

92

Ранним утром, о нежная, чарку налей,
Пей вино и на чанге играй веселей,
Ибо жизнь коротка, ибо нету возврата
Для ушедших отсюда... Поэтому — пей!

93

О кумир! Я подобных тебе не встречал.
Я до встречи с тобой горевал и скучал,
Дай мне полную чарку и выпей со мною,
Пока чарок из нас не наделал гончар!

94

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда.
Быть сановным и важным — не стоит труда.
Не нужны всемогущему Господу-Богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода!

95

Хорошо, если платье твое без прорех.
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

96

Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты же день ото дня веселишься сильней.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много хитрых уловок в запасе у ней.

97

Океан, состоящий из капель, велик.
Из пылинок слагается материк.
Твой приход и уход — не имеют значенья.
Просто муха в окно залетела на миг...

98

Каждый розовый, взоры ласкающий куст
Рос из праха красавиц, из розовых уст.
Каждый стебель, который мы топчем ногами,
Рос из сердца, вчера еще полного чувств.

99

Нищим дервишем ставши — достигнешь высот.
Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот.
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши — достигнешь высот.

100

Снова туча на землю роняет слезу.
Трезвый, этого зрелища я не снесу.
Нынче мы, на траве развалясь, отдыхаем —
Завтра будем лежать под травкою, внизу.

101

От судьбы мне всегда достаются плевки,
Жизнь слагается воле моей вопреки,
И душа собирается тело покинуть:
«Больно стены жилья, — говорит, — не крепки!»

102

Пей вино! Нам с тобой не заказано пить,
Ибо небо намерено нас погубить.
Развалясь на траве, произросшей из праха,
Пей вино! И не надо судьбу торопить.

103

Все пройдет — и надежды зерно не взойдет,
Все, что ты накопил, ни за грош пропадет.
Если ты не поделишься вовремя с другом —
Все твое достоянье врагу отойдет.

104

Как нужна для жемчужины полная тьма —
Так страданья нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!

109

Если б мне этой жизни причину постичь —
Я сумел бы и нашу кончину постичь,
То, чего не постиг я, в живых пребывая.
Не надеюсь, когда вас покину, постичь.

110

Вразуми, всемогущее небо, невежд:
Где уток, где основа всех наших надежд?
Сколько пламенных душ без остатка сгорело!
Где же дым? Где же смысл? Оправдание —
где ж?

111

Этой чаше рассудок хвалу воздает.
С ней влюбленный целуется ночь напролет.
А безумный гончар столь изящную чашу
Создает — и об землю без жалости бьет!

112

Жизни стыдно за тех, кто сидит и скорбит,
Кто не помнит утех, не прощает обид,
Пой, покуда у чанга не лопнули струны!
Пей, покуда об камень сосуд не разбит!

113

Старость — дерево, корень которого сгнил.
Возраст алые щеки мои посинил,
Крыша, дверь и четыре стены моей жизни
Обветшали и рухнуть грозят со стропил.

114

Считай, что ты изменишь ход планет.
Считай, что этот свет — не этот свет.
Надейся, что желанного достигнешь.
Считай, что так. А нет — считай, что нет.

115

Двери в этой обители: выход и вход.
Что нас ждет, кроме гибели, страха, невзгод?
Счастье? Счастлив живущий хотя бы мгновенье.
Кто совсем не родился — счастливее тот.

116

Добровольно сюда не явился бы я.
И отсюда уйти не стремился бы я.
Я бы в жизни, будь воля моя, не стремился
Никуда. Никогда. Не родился бы я.

117

Над землей небосвод наклоняется вновь,
Как над чашей кувшин. Между ними любовь.
Только хлещет на землю не кровь винограда,
А сынов человеческих алая кровь.

118

Двести лет проживешь или тысячу лет —
Все равно попадешь муравьям на обед.
В шелк одет или в жалкие тряпки одет,
Падишах или пьяница — разницы нет!

119

Этот мир красотой Хайяма пленил.
Ароматом и цветом своим опьянил.
Но источник с живою водою — иссякнет,
Как бы ты бережливо его ни хранил!

120

Я скажу по секрету тебе одному:
Смысл мучений людских недоступен уму.
Нашу глину Аллах замесил на страданиях:
Мы выходим из тьмы, чтобы кануть во тьму!

121

Если гурия страстно целует в уста,
Если твой собеседник мудрее Христа,
Если лучше небесной Зухры музыкантша —
Все не в радость, коль совесть твоя не чиста!

122

Считай, что ты изменишь ход планет.
Считай, что этот свет — не этот свет.
Надейся, что желанного достигнешь.
Считай, что так. А нет — считай, что нет.

123

Милосердия, сердце мое, не ищи,
Правды в мире, где ценят вранье, — не ищи,
Нет еще в этом мире от скорби лекарства.
Примиришь — и лекарств от нее не ищи.

124

Плачет роза под прессом: «Зачем из меня
Соки жмут перегонщики, масло гоня?»
«Годы горя и слез, — соловей отвечает, —
Вот цена одного безмятежного дня!»

125

Шел я трезвый — веселья искал и вина.
Вижу: мертвая роза — суха и черна.
«О несчастная! В чем ты была виновата?»
«Я была чересчур весела и пьяна!»

126

«Семь небес или восемь?» По-разному врут.
Важно то, что меня они в прах разотрут.
И какая мне разница: черви в могиле
Или волки в степи мое тело сожрут?

127

О мудрец! Коротай свою жизнь в погребке.
Праха великих властителей — чаша в руке.
Все, что кажется прочным, незыблемым,
вечным, —
Лишь обманчивый сон, лишь мираж вдалеке...

128

Мы уйдем без следа — ни имен, ни примет.
Этот мир простоят еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было — после не будет.
Ни ущерба, ни пользы от этого нет.

129

Неужели таков наш ничтожный удел:
Быть рабами своих вожделеющих тел?
Ведь еще ни один из живущих на свете
Вожделений своих утолить не сумел!

130

Много ль проку в уме и усердье твоём,
Если жизнь — краткосрочный кабальный заем?
Есть ли смысл заключенным в тюрьму
сокрушаться,
Что явились мы поздно и рано уйдем?

131

Если б мне всемогущество было дано —
Я бы небо такое низринул давно
И воздвиг бы другое, разумное небо,
Чтобы только достойных любило оно!

132

Плачь — не плачь, а придется и нам умереть.
Небольшое несчастье — однажды истлеть.
Горстка грязи и крови... Считай, что на свете
Нас и не было вовсе. О чем сожалеть?

133

Мы попали в сей мир, как в силок — воробей.
Мы полны беспокойства, надежд и скорбей.
В эту круглую клетку, где нету дверей,
Мы попали с тобой не по воле своей.

134

Эта жизнь — солончак. Вкус у жизни такой,
Что сердца наполняются смертной тоской.
Счастлив тот, кто ее поскорее покинет.
Кто совсем не родится — познает покой.

135

О душа! Ты меня превратила в слугу.
Я твой гнет ощущаю на каждом шагу.
Для чего я родился на свет, если в мире
Все равно ничего изменить не могу?

136

И того, кто умен, и того, кто красив,
Небо в землю упрячет, под корень скосив.
Горе нам! Мы истлеем без пользы, без цели.
Станем бывшими мы, бытия не вкусив.

141

Рано утром я слышу призыв кабака:
«О безумец, проснись, ибо жизнь коротка!
Чашу черепа скоро наполнят землю.
Пьяной влагою чашу наполним пока!»

142

Лучше сердце обрадовать чашей вина,
Чем скорбеть и бывшие хвалить времена.
Трезвый ум налагает на душу оковы.
Опьянев, разрывает оковы она.

143

От безбожья до Бога — мгновенье одно.
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало, ни много — мгновенье одно!

144

Некто мудрый внушал задремавшему мне:
«Просыпайся, счастливым не станешь во сне.
Брось ты это занятие, подобное смерти.
После смерти, Хайям, отоспишься вполне!»

145

Принесите вина — надоела вода!
Чашу жизни моей наполняют года,
Не к лицу старику притворяться непьющим,
Если нынче не выпью вина — то когда?

146

Мертвецам все равно: что минута — что час,
Что вода — что вино, что Багдад — что Шираз.
Полнолуние сменится новой луною
После нашей гибели тысячи раз.

147

Да пребудет вино неразлучно с тобой!
Пей с любою подругой из чаши любой
Виноградную кровь, ибо в черную глину
Превращает людей небосвод голубой.

148

То, что Бог нам однажды отмерил, друзья,
Увеличить нельзя и уменьшить нельзя.
Постараемся с толком истратить наличность,
На чужое не зарясь, займы не прося.

149

Виночерпий, налей в мою чашу вина!
Этой влагой целебной упьюсь допьяна,
Перед тем как непрочная плоть моя будет
Гончарами в кувшины превращена.

150

Принеси заключенный в кувшине рубин —
Он один мой советчик и друг до седин.
Не сиди, размышляя о бренности жизни, —
Принеси мне наполненный жизнью кувшин!

151

Пристрастился я к лицам румянее роз,
Пристрастился я к соку божественных лоз.
Из всего я стараюсь извлечь свою долю,
Пока частное в целое не влилось.

152

Снова вешнюю землю омыли дожди,
Снова сердце забилось у мира в груди.
Пей с подругой вино на зеленой лужайке —
Мертвецов, что лежат под землей, разбуди!

153

В окруженьи друзей, на веселом пиру
Буду пить эту влагу, пока не умру!
Буду пить из прекрасных гончарных изделий,
До того как сырьем послужить гончару.

154

Не выращивай в сердце печали росток,
Книгу радостей выучи назубок,
Пей, приятель, живи по велению сердца:
Неизвестен отпущенный смертному срок.

155

Так как все за меня решено в вышине
И никто за советом не ходит ко мне —
Зачерпни-ка мне в чашу вина, виночерпий:
Выпьем! Горести мира утопим в вине.

156

Долго ль будешь, мудрец, у рассудка в плену?
Век наш краток — не больше аршина в длину.
Скоро станешь ты глиняным винным кувшином.
Так что пей, привыкай постепенно к вину!

157

Тот, кто мир преподносит счастливым в дар,
Остальным — за ударом наносит удар.
Не горюй, если меньше других веселился.
Будь доволен, что меньше других пострадал.

158

Как прекрасны и как неизменно новы
И румянец любимой, и зелень травы!
Будь веселым и ты: не скорби о минувшем,
Не тверди, обливаясь слезами: «Увы!»

159

Встанем утром и руки друг другу пожмем,
На минуту забудем о горе своем,
С наслажденьем вдохнем этот утренний воздух,
Полной грудью, пока еще дышим, вздохнем!

160

В жизни трезвым я не был, и к Богу на суд
В Судный день меня пьяного принесут!
До зари я лобзаю заздравную чашу,
Обнимаю за шею любезный сосуд.

161

Лунолика! Чашу вина и греха
Пей сегодня — на завтра надежда плоха.
Завтра, глядя на землю, луна молодая
Не отыщет ни славы моей, ни стиха.

162

Мой закон: быть веселым и вечно хмельным,
Ни святошей не быть, ни безбожником злым.
Я спросил у судьбы о размере калыма.
«Твое сердце, — сказала, — достойный калым!»

163

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!
Пусть без усталости хлещет из горлышка кровь.
Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили — и друг, и любовь.

164

Травка блещет, и розы горят на кустах...
В нашей утренней радости кроется страх,
Ибо мы оглянуться с тобой не успеем —
Скосят травку, а розы рассыплются в прах.

165

Дай мне влаги хмельной, укрепляющей дух,
Пусть я пьяным напился и взор мой потух —
Дай мне чашу вина! Ибо мир этот — сказка,
Ибо жизнь — словно ветер, а мы — словно пух...

166

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
Что вчера утекла? Если — да, то — когда?»
Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят —
Разрешит все вопросы сковорода!»

167

Круг небес, неизменный во все времена,
Опрокинут над нами, как чаша вина.
Это чаша, которая ходит по кругу.
Не стони — и тебя не минует она.

168

Лунным светом у ночи разорван подол.
Ставь кувшин поскорей, виночерпий, на стол!
Когда мы удалимся из дольного мира,
Так же будет луна озарять этот дол.

169

Встань и полную чашу налей поутру,
Не горюй о неправде, царящей в миру.
Если б в мире законом была справедливость —
Ты бы не был последним на этом пиру.

170

Жизнь в разлуке с лозою хмельною — ничто.
Жизнь в разладе с певучей струною — ничто.
Сколько я ни вникаю в дела под луною:
Наслаждение — все, остальное — ничто!

171

С той, чей стан — кипарис, а уста — словно лал,
В сад любви удались и наполни бокал,
Пока рок неминуемый, волк ненасытный,
Эту плоть, как рубашку, с тебя не сорвал!

172

Не горюй, что забудется имя твое.
Пусть тебя утешает хмельное питье.
До того как суставы твои распадутся —
Утешайся с любимой, лаская ее.

173

Следуй верным путем бесшабашных гуляк:
Позови музыкантов, на ложе возляг,
В изголовье — кувшин, пиала — на ладони.
Не болтай языком — на вино приналяг!

174

Чем стараться большое именье нажить,
Чем себе, закоснев в самомненье, служить,
Чем гоняться до смерти за призрачной славой —
Лучше жизнь, как во сне, в опьяненье прожить!

175

Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел — и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем — не стоит труда.

176

Ты не знаешь, о чем петухи голосят?
Не о том ли, что мертвых не воскресят?
Что еще одна ночь истекла безвозвратно,
А живые, об этом не ведая, спят?

177

Не таи в своем сердце обид и скорбей,
Ради звонкой монеты поклонов не бей.
Если друга ты вовремя не накормишь —
Все сожрет без остатка наследник-злодей.

178

Злое небо над нами расправу вершит.
Им убиты Махмуд* и могучий Джемшид*.
Пей вино, ибо нету на землю возврата
Никому, кто под этой землею лежит.

179

Не пекись о грядущем. Страданье — удел
Дальновидных вершителей завтрашних дел.
Этот мир и сегодня для сердца не тесен —
Лишь бы долю свою отыскать ты сумел.

180

«Как там — в мире ином?» — я спросил
старика,
Утешаясь вином в уголке погребка.
«Пей! — ответил. — Дорога туда далека.
Из ушедших никто не вернулся пока».

181

Если сердце мое отобьется от рук —
То куда ему деться? Безлюдье вокруг!
Каждый жалкий дурак, узколобий невежда,
Выпив лишку — Джемшидом становится вдруг.

182

Вереницею дни-сороходы идут,
Друг за другом закаты, восходы идут.
Виночерпий! Не надо скорбеть о минувшем.
Дай скорее вина, ибо годы идут.

183

День прекрасен: ни холод с утра, ни жара.
Ослепителен блеск травяного ковра,
Соловей над раскрытою розой с утра
Надрывается: братья за чашу пора!

184

Ранним утром, о нежная, чарку налей,
Чанг настрой и на чанге играй веселей,
Ибо в прах превратило и Джама и Кея
Это вечное круговращение дней.

189

Нежным женским лицом и зеленой травой
Буду я наслаждаться, покуда живой.
Пил вино, пью вино и, наверное, буду
Пить вино до минуты своей роковой!

190

Приходи — и не будем о прошлом тужить,
Будем пить и минутой сегодняшней жить.
Завтра, вслед за другими, ушедшими прежде,
Нам в дорогу пожитки придется сложить.

191

Отврати свои взоры от смены времен.
Весел будь неизменно, влюблен и хмелен.
Не нуждается небо в покорности нашей —
Лучше пылкой красавицей будь покорен!

192

Те, что жили на свете в былые года,
Не вернуться обратно сюда никогда.
Наливай нам вина и послушай Хайяма:
Все советы земных мудрецов — как вода...

193

Нет различья: одна или тысяча бед.
Беспощадна к живущим семерка планет.
Беспощадны к живущим четыре стихии.
Кроме чаши вина — утешения нет!

194

Беспощадна судьба, наши планы круша.
Час настанет — и тело покинет душа.
Не спеши, посиди на траве, под которой
Скоро будешь лежать, никуда не спеша.

195

Пей вино, ибо жизнь продлевает оно,
В душу вечности свет проливает оно.
В эту пору цветов, винограда и пьяниц
Быть веселыми повелевает оно!

196

Если есть у тебя для жилья закуток —
В наше подлое время — и хлеба кусок,
Если ты никому не слуга, не хозяин —
Счастлив ты и воистину духом высок.

201

Наливай нам вина, хоть болит голова.
Хмель дарует нам равные с Богом права.
Наливай нам вина, ибо жизнь — быстротечна,
Ибо все остальное на свете — слова!

202

Встань, Хайяма поздравь с наступающим днем
И хрустальную чашу наполни огнем.
Помни: этой минуты в обители тлена
Мы с тобою уже никогда не вернем.

203

Трезвый, я замыкаюсь, как в панцире краб,
Напиваясь, я делаюсь разумом слаб.
Есть мгновенье меж трезвостью и опьянением.
Это — высшая правда, и я — ее раб!

204

Смертный, если не ведаешь страха — борись.
Если слаб — перед волей Аллаха смиришь.
Но того, что сосуд, сотворенный из праха,
Прахом станет — оспаривать не берись.

205

Все недуги сердечные лечит вино.
Муки разума вечные лечит вино.
Эликсира забвения и утешенья
Не страшитесь, увечные, — лечит вино!

206

Мир — капкан, от которого лучше бежать.
Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
Пламя скорби гаси утешительной влагой.
Ветру смерти не дай себя с прахом смешать.

207

Долго ль будешь скорбеть и печалиться, друг,
Сокрушаться, что жизнь ускользает из рук?
Пей хмельное вино, в наслажденьях усердствуй,
Веселясь, совершай предначертанный круг!

208

Что за утро! Налей-ка, не мешкая, мне,
Что там с ночи осталось в кувшине на дне.
Прелесть этого утра душою почувствуй —
Завтра станешь бесчувственным камнем в стене.

209

Круглый год неизменно вращенье Плеяд.
В книге жизни страницы мелькают подряд.
Пей вино. Не горюй. «Горе — медленный яд,
А лекарство — вино», — мудрецы говорят.

210

За страданья свои небеса не кляни.
На могилы друзей без рыданья взгляни.
Оцени мимолетное это мгновенье.
Не гляди на вчерашний и завтрашний дни.

211

Разум к счастью стремится, все время твердит:
«Дорожи каждым мигом, пока не убит!
Ибо ты — не трава, и когда тебя скосят —
То земля тебя заново не возродит».

212

Жизнь — мгновенье. Вино — от печали бальзам,
День прошел беспечально — хвала небесам!
Будь доволен тебе предназначенной долей,
Не пытайся ее переделывать сам.

213

Если жизнь твоя нынче, как чаша, полна —
Не спеши отказаться от чаши вина.
Все богатства судьба тебе дарит сегодня —
Завтра, может случиться, ударит она!

214

Я устами прижался к устам кувшина.
Долгой жизни спрашивал я у вина.
«Пей, — кувшин прошептал, —
и не спрашивай много,
Ибо участь твоя без меня решена».

215

Если все государства, вблизи и вдали,
Покоренные, будут валяться в пыли —
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
Твой удел невелик: три аршина земли.

216

Дай вина, чтоб веселье лилось через край,
Чтобы здесь, на земле, мы извели рай!
Звучный чанг принеси и душистые травы.
Благовония — жги, а на чанге — играй.

217

Я измучен любовью на старости лет,
Пью без памяти — этим спасаюсь от бед.
О торговцы вином! Вы, должно быть, в убыток
Свой товар продаете: цены ему нет!

218

Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет,
Злом опутанный, вырвись из этих тенет,
Пей вино и расчесывай локоны милой:
День пройдет незаметно — и жизнь промелькнет.

219

Всем известно, что я свою старость кляню.
Всем известно, что я пристрастился к вину,
Но не знают глупцы, что вино возвращает
Юность — старцу, усталому сердцу — весну.

220

Без вина я по жизни брести не могу,
Тяжесть трезвого тела нести не могу,
Жду, когда виночерпий напьется и скажет:
«Наливай себе сам — я, прости, не могу...»

221

О глупец, ты, я вижу, попал в западню,
В эту жизнь быстротечную, равную дню.
Что ты мечешься, смертный? Зачем суетишься?
Дай вина — а потом продолжай беготню!

222

Плеч не горби, Хайям! Не удастся и впредь
Черной скорби душою твоей овладеть.
До могилы глаза твои с радостью будут
На ручей, на зеленую ниву глядеть.

223

Если б я властелином судьбы своей стал —
Я бы всю ее заново перелистал
И, безжалостно вычеркнув скорбные строки,
Головою от радости небо достал!

224

Не осталось мужей, коих мог уважать,
Лишь вино продолжает меня ублажать.
Не отдергивай руку от ручки кувшинной,
Если в старости некому руку пожать.

225

Нам обещаны гурии в мире ином.
Я хотел бы подольше остаться в земном.
Только издали бой барабанный приятен.
Не люблю пустозвонства. Дай чашу с вином!

226

Мне твердят: «Ты утонешь, безбожник, в вине!»
Вдвое дозу уменьшить советуют мне.
Значит — утром не пить? Не согласен.
С похмелья
Утром пьянице хочется выпить вдвойне.

227

Пей вино, ибо скоро уснешь на века.
Как тюльпана цветение — жизнь коротка.
В окруженье друзей, в тесноте погребка —
Пей вино! И о смерти — ни слова пока!

228

Если Ты не велишь мне глядеть на луну —
Я, покорный Тебе, на нее не взгляну.
Это так же жестоко, как полную чашу
Поднести, запретив прикасаться к вину!

229

Не у тех, кто во прах государства поверг, —
Лишь у пьяных душа устремляется вверх!
Надо пить: в понедельник, во вторник, в субботу,
В воскресенье, в пятницу, в среду, в четверг.

230

Ты не верь измышленьям непьющих тихонь,
Будто пьяниц в аду ожидает огонь.
Если место в аду для влюбленных и пьяных —
Рай окажется завтра пустым, как ладонь!

231

Говорят: нас в раю ожидает вино,
Если так — то и здесь его пить не грешно,
И любви не грешно на земле предаваться —
Если это и на небе разрешено.

232

Покупаю вино, а блаженство в раю
Я любому, кто хочет купить, продаю.
Верь в обещанный рай, если хочется верить,
И ступай, куда хочешь, покуда я пью!

233

Мое тело омойте вином, чтобы Бог
В Судный день без труда отыскать меня мог.
Отыскать меня просто: понюхайте землю
В харабате*, у входа в ночной погребок!

234

Я не знаю, куда, умерев, попаду:
Райский сад меня ждет или пекло в аду.
Но, пока я не умер, по-прежнему буду
Пить с подругой вино на лужайке в саду!

235

Не беда, что вино мне милей, чем вода.
Труд любовный — желанней любого труда.
Мне раскаянья Бог никогда не дарует.
Сам же я не раскаюсь ни в чем никогда!

236

Пить вино зарекаться не должен поэт.
Преступившим зарок — оправдания нет.
Соловьи надрываются, розы раскрыты...
Разве можно давать воздержанья обет?!

237

Когда тело мое на кладбище снесут —
Ваши слезы и речи меня не спасут.
Подождите, пока я не сделаюсь глиной,
А потом из меня изготовьте сосуд!

238

Напоите меня, чтоб уже не пилося,
Чтоб рубиновым цветом лицо налилось!
После смерти — вином мое тело омойте,
А носилки для гроба сплетите из лоз.

239

Буду пьянствовать я до конца своих дней,
Чтоб разило вином из могилы моей.
Чтобы пьяный, пришедший ко мне на могилу,
Стал от винного запаха вдвое пьяней!

240

Если выпьет гора — в пляс пойдет и она.
Жалок тот, кто не любит хмельного вина.
К черту ваши запреты! Вино — это благо.
Доброта человека вином рождена.

241

Нынче жажды моей не измерят весы,
В чан с вином окуну я сегодня усы!
Разведусь я с ученостью книжной и с верой,
В жены выберу дочь виноградской лозы.

242

Когда вырвут без жалости жизни побег,
Когда тело во прах превратится навек —
Пусть из этого праха кувшин изготовят
И наполнят вином: оживет человек!

243

Если ночью тоска подкрадется — вели
Дать вина. О пощаде судьбу не моли.
Ты не золото, пьяный глупец, и едва ли,
Закопав, откопают тебя из земли.

244

Если истину сердцу постичь не дано,
Для чего же напрасно страдает оно?
Примиришь и покорствуешь бесстрастному року,
Ибо то, что предписано, — сбыться должно!

245

В Книге Судеб ни слова нельзя изменить.
Тех, кто вечно страдает, нельзя извинить.
Можешь пить свою желчь до скончания жизни:
Жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить.

246

В этом мире на каждом шагу — западня,
Я по собственной воле не прожил и дня.
Без меня в небесах принимают решения,
А потом бунтарем называют меня!

247

От неожиданного счастья, глупец, не шалей.
Если станешь несчастным — себя не жалеи.
Зло с добром не вали без разбора на небо:
Небу этому в тысячу раз тяжелей!

248

Все, что будет: и зло, и добро — пополам
Предписал нам заранее вечный калам*.
Каждый шаг предначертан в небесных
скрижалях*.
Нету смысла страдать и печалиться нам.

249

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
Словно птица небесного рая — любовь.
Но еще не любовь — соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая, — любовь!

250

Небо сердцу шептало: «Я знаю — меня
Ты поносишь, во всех своих бедах вина,
Если б небо вращеньем своим управляло —
Ты бы не было, сердце, несчастным ни дня!»

251

В день, когда оседлали небес скакуна,
Когда дали созвездиям их имена,
Когда все наши судьбы вписали в скрижали —
Мы покорными стали. Не наша вина.

252

Где вчерашние юноши, полные сил?
Всех без жалости серп небосвода скосил.
Горевать бесполезно: что было — то сплыло.
Дай вина, чтобы смертный бессмертья вкусил!

253

Нам — вино и любовь, вам — кумирня и храм.
Пекло нам уготовано, гурии — вам.
В чем же наша вина, если все наши судьбы
Начертал на скрижалях предвечный калам?

254

«Надо жить, — нам внушают, — в постах и труде.
Как живете вы — так и воскреснете-де!»
Я с подругой и с чашей вина неразлучен —
Чтобы так и проснуться на Страшном суде.

255

Назовут меня пьяным — воистину так!
Нечестивцем, смутьяном — воистину так!
Я есмь я. И болтайте себе, что хотите:
Я останусь Хайямом. Воистину так!

256

Мир чреват одновременно благом и злом:
Все, что строит, — немедля пускает на слом.
Будь бесстрашен, живи настоящей минутой,
Не пекись о грядущем, не плачь о былом.

257

Да пребудет со мною любовь и вино!
Будь что будет: безумье, позор — все равно!
Чему быть суждено — неминуемо будет,
Но не больше того, чему быть суждено.

258

Кипарис языками, которых не счесть,
Не болтает. Хвала кипарису и честь!
А тому, кто одним языком обладает,
Но болтлив, — не мешало бы это учесть...

259

Муж ученый, который мудрее муллы,
Но бахвал и обманщик, — достоин хулы.
Муж, чье слово прочнее гранитной скалы, —
Выше мудрого, выше любой похвалы!

260

Те, в ком страсти волнуются, мысли кипят, —
Все на свете понять и изведать хотят.
Выпьют чашу до дна — и лишатся сознания,
И в объятиях смерти без памяти спят.

261

Кто урод, кто красавец — не ведает страсть.
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.

262

Чем за общее счастье без толку страдать —
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освобождать.

263

Из верченья гончарного круга времен
Смысл извлек только тот, кто учен и умен,
Или пьяный, привычный к вращению мира,
Ничего ровным счетом не смыслящий в нем!

264

Небо — пояс загубленной жизни моей,
Слезы падших — соленые волны морей,
Рай — блаженный покой после страстных усилий.
Адский пламень — лишь отблеск угасших страстей.

265

Хоть мудрец — не скупец и не копил добра,
Плохо в мире и мудрому без серебра,
Под забором фиалка от нищенства никнет,
А богатая роза красна и щедра!

266

Есть ли кто-нибудь в мире, кому удалось
Утолить свою страсть без мучений и слез?
Дал себя распилить черепаховый гребень,
Чтобы только коснуться любимых волос!

267

Пей с достойным, который тебя не глупей,
Или пей с луноликой любимой своей.
Никому не рассказывай, сколько ты выпил.
Пей с умом. Пей с разбором. Умеренно пей.

268

Много мыслей в моей голове, но, увы:
Если выскажу их — не сносить головы!
Только эта бумага достойна доверья,
О, друзья, недостойны доверия вы!

269

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть.
Я хотел бы — но слезы глаза застилают,
Слезы мне не дают на другую глядеть!

270

Когда песню любви запоют соловьи —
Выпей сам и подругу вином напой.
Видишь: роза раскрылась в любовном томленьи?
Утоли, о влюбленный, желанья свои!

271

Пью не ради запретной любви к питию
И не ради веселья душевного пью,
Пью вино потому, что хочу позабыться,
Мир забыть и несчастную долю свою.

272

«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мироздания,
Ад и рай — это две половины души.

273

Пью с умом: никогда не буяню спьяна.
Жадно пью: я не жаден, но жажда сильна.
Ты, святоша и трезвенник, занят собою —
Я себя забываю, напившись вина!

274

Попрекают Хайяма числом кутежей
И в пример ему ставят непьющих мужей.
Были б столь же заметны другие пороки —
Кто бы выглядел трезвым из этих ханжей?!

275

Для того, кто за внешностью видит нутро,
Зло с добром — словно золото и серебро.
Ибо то и другое — дается на время.
Ибо кончатся скоро и зло, и добро.

276

Вновь на старости лет я у страсти в плену.
Разве иначе я пристрастился б к вину?
Все обеты нарушил возлюбленной ради
И, рыдая, свое безрассудство клянчу.

277

Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Поцелуй любимой — мой хлеб и бальзам,
Губы пылкой возлюбленной — винного цвета,
Буйство страсти подобно ее волосам.

278

Мне с похмелья лекарство одно принеси,
Если мускусом пахнет оно, принеси,
Если вылечить хочешь Хайяма от скорби —
Ранним утром Хайяму вино принеси.

279

Этот райский, с ручьями журчащими, край —
Чем тебе не похож на обещанный рай?
Сколько хочешь валяйся на шелковой травке,
Пей вино и на ласковых гурий взирай!

280

Как проснусь — так устами к кувшину прильну.
Пусть лицо мое цветом подобно вину.
Буду пить, а назойливому рассудку,
Если что-то останется — в морду плесну!

281

Если жизнь все равно неизбежно пройдет —
Так пускай хоть она безмятежно пройдет!
Жизнь тебя, если будешь веселым, утешит,
Если будешь рыдать — безутешно пройдет.

282

Влагу, к жизни тебя возродившую, пей,
Влагу, юность тебе возвратившую, пей,
Эту алую, с пламенем схожую, влагу,
В радость горе твое превратившую, пей!

283

Если хочешь слабеющий дух укрепить,
Если скорбь свою хочешь в вине утопить,
Если хочешь вкусить наслаждение — помни,
Что вино неразбавленным следует пить!

284

Пей вино, ибо друг человеку оно,
Для усталых — подобно ночлегу оно,
Во всемирном потоке, бушующем в душах,
В море скорби — подобно ковчегу оно.

285

В этом мире не вырастет правды побег.
Справедливость не правила миром вовек.
Не считай, что изменишь течение жизни.
За подрубленный сук не держись, человек!

286

Нам дорогу забыть к харабату нельзя,
Доброй славы добыть и за плату нельзя.
Веселитесь! Чадра добродетели нашей
В дырах вся — и поставить заплату нельзя.

287

Мы грешим, истребляя вино. Это так.
Из-за наших грехов процветает кабак.
Да простит нас Аллах милосердный! Иначе
Милосердие божье проявится как?

288

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну, а кто не грешил — разве жил? Отвечай!
Чем Ты лучше меня, если мне в наказание
Ты ответное зло совершил? Отвечай!

289

Пусть хрустальный бокал и осадок на дне
Возвещают о дне наступающем мне,
Горьким это вино иногда называют.
Если так — значит, истина скрыта в вине!

290

Каждый молится Богу на собственный лад.
Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.
Лишь мудрец, постигающий замысел божий,
Адских мук не страшится и раю не рад.

291

Когда друг ваш очутится в мире ином —
Помяните ушедшего чистым вином.
Когда чаша по кругу дойдет до Хайяма,
Кверху дном опрокиньте ее, кверху дном!

292

Мы не ропщем и рабских поклонов не бьем.
Мы, надеясь на милость Всевышнего, пьем.
Грех ценней добродетели, ибо Всевышний
Должен что-то прощать в милосердьe своем!

293

Вы, злодейству которых не видно конца,
В Судный день не надейтесь на милость Творца!
Бог, прощивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлеца.

294

Светоч мысли, сосуд сострадания — мы.
Средоточие высшего знания — мы.
Изречение на этом божественном перстне,
На бесценном кольце мироздания — мы!

295

Скакуна твоего, небом избранный шах,
Подковал золотыми гвоздями Аллах.
Путь-дорогу серебряным выстелил снегом,
Чтоб копыта его не ступали во прах.

296

Без меня собираясь в застолье хмельном,
Продолжайте блистать красотой и умом.
Когда чаши наполнит вином виночерпий —
Помяните ушедшего чистым вином!

297

Из сиреновой тучи на зелень равнин
Целый день осыпается белый жасмин.
Наливаю подобную лилии чашу
Чистым розовым пламенем — лучшим из вин.

298

Боже, скуку смертельную нашу прости,
Эту муку похмельную нашу прости,
Эти ноги, бредущие к харабату,
Эту руку, обнявшую чашу, прости!

299

Если вдруг на тебя снизошла благодать —
Можешь все, что имеешь, за правду отдать,
Но, святой человек, не обрушивай гнева
На того, кто за правду не хочет страдать!

300

Стоит царства китайского чарка вина,
Стоит берега райского чарка вина.
Горек вкус у налитого в чарку рубина —
Эта горечь всей сладости мира равна.

301

Не моли о любви, безнадежно любя,
Не броди под окном у неверной, скорбя.
Словно нищие дервиши, будь независим —
Может статься, тогда и полюбят тебя.

302

В мире временном, сущность которого — тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен,
Сушим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен.

303

В этом мире неверном не будь дураком:
Полагаться не вздумай на тех, кто кругом,
Трезвым оком взгляни на ближайшего друга —
Друг, возможно, окажется злейшим врагом.

304

Не завидуй тому, кто силен и богат.
За рассветом всегда наступает закат.
С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как с данной тебе напрокат.

305

Горе сердцу, которое льда холодней,
Не пылает любовью, не знает о ней.
А для сердца влюбленного — день, проведенный
Без возлюбленной, — самый пропавший из дней!

306

Алый лал* наливай в пиалу из ковша,
Пиала — это тело, а влага — душа.
Улыбается весело полная чаша,
Слезы сердца осушишь, ее осуша.

307

Мне хмельное вино помогает зело:
Забываюсь, когда на душе тяжело.
Отчего же оно называется зельем?
Это благодостный дух, побеждающий зло!

308

Пусть я плохо при жизни служил небесам,
Пусть грехов моих груз не под силу весам —
Полагаюсь на милость Единого, ибо
Отродясь никогда не двуличничал сам!

309

Не растрчивай эту двухдневную жизнь:
Получивши отсрочку — с вином подружись.
С виду прочное здание держится еле —
Так что, пьяный, и ты на ногах не держись!

310

Смерть я видел, и жизнь для меня — не секрет.
Снизу доверху я изучил этот свет,
Вот вершина моих наблюдений: на свете
Ничего, опьянению равного, нет!

311

Утром лица тюльпанов покрыты росой,
И фиалки, намокнув, не блещут красотой.
Мне по сердцу еще не расцветшая роза,
Чуть заметно подол приподнявшая свой.

312

Словно роза в жасмине — вино в пиале.
Ярко-алое в белом — как пламень в золе.
Прочь сравнения, — ибо вино несравненно:
Это влага, чреватая всем на земле!

313

Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,
Станем думать о счастье, о светлом вине.
Мне раскаянья Бог никогда не дарует,
Ну, а если дарует — зачем оно мне?

314

Жить до старости — Боже тебя сохрани!
Проводи во хмелю свои ночи и дни,
Пока чашу еще из тебя не слепили,
Сам из рук своих чашу не урони.

315

Вожделея, желаний своих не таи.
В лапах смерти угаснут желанья твои.
А пока мы не стали безжизненным прахом —
Виночерпий, живую водой напои!

316

Те, что ищут забвения в чистом вине,
Те, что молятся Богу в ночной тишине, —
Все они, как во сне, над разверзнутой бездной,
А Единый над ними не спит в вышине!

317

Не давай убаюкать себя похвалой —
Меч судьбы занесен над твоей головой.
Как ни сладостна слава, но яд наготове
У судьбы. Берегись отравиться халвой!

318

Смерти я не страшусь, на судьбу не ропщу.
Утешенья в надежде на рай не ищу,
Душу вечную, данную мне ненадолго,
Я без жалоб в положенный срок возвращу.

319

Из всего, что Аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал,
Для спасенья души голодал и страдал,
Ставши нищим, богаче богатого стал.

320

Что сравню во вселенной со старым вином,
С этой чашею пенной со старым вином?
Что еще подобает почтенному мужу,
Кроме дружбы почтенной со старым вином?

321

Трудно замыслы божьи постичь, старина.
Нет у этого неба ни верха, ни дна.
Сядь в укромном углу и довольствуйся малым:
Лишь бы сцена была хоть немного видна!

322

Тот, кто с юности верует в собственный ум,
Стал, в погоне за истиной, сух и угрюм,
Притязающий с детства на знание жизни,
Виноградом не став, превратился в изюм.

323

О вино! Ты прочнее веревки любой.
Разум пьющего крепко опутан тобой.
Ты с душой обращаешься, словно с рабой,
Стать ее заставляешь самую собой.

324

Под мелодию флейты, звучащей вблизи,
В кубок с розовой влагой уста погрузи.
Пей, мудрец, и пускай твое сердце ликует,
А непьющий святоша — хоть камни грызи!

325

Розан хвастал: «Иосиф Египетский* я,
Отрок, проданный в рабство в чужие края».
Я сказал: «Предъяви доказательства, розан.»
— «Вот покрытая кровью рубашка моя!»

326

Ты при всех на меня накликаешь позор:
Я безбожник, я пьяница, чуть ли не вор!
Я готов согласиться с твоими словами.
Но достоин ли ты выносить приговор?

327

Все святые сегодня творят чудеса:
Землю влагой живою кропят небеса.
Каждой ветки рукою коснулся Муса.
В каждой малой травинке проснулся Иса.

328

Волшебства о любви болтовня лишена,
Как остывшие угли — огня лишена.
А любовь настоящая жарко пылает,
Сна и отдыха, ночи и дня лишена.

329

Роза после дождя не просохла еще,
Жажда в сердце моем не заглохла еще.
Еще рано кабак закрывать, виночерпий,
Солнце светит в оконные стекла еще!

330

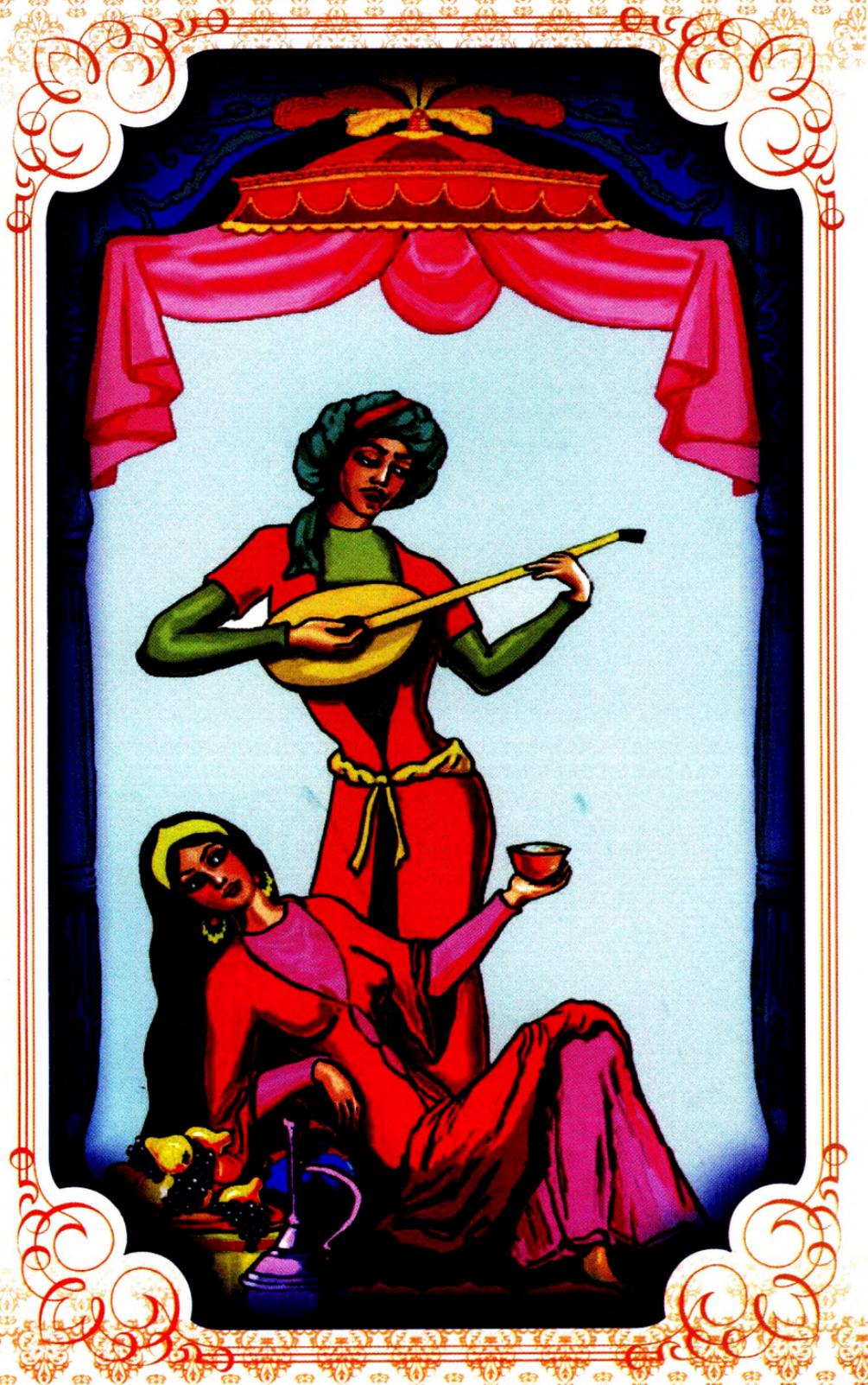
Вместо злата и жемчуга с янтарем
Мы другое богатство себе изберем:
Сбрось наряды, прикрой свое тело старьем,
Но и в жалких лохмотьях — останься царем!

331

Вину, что дарит радость нам с тобой,
От нас скрываться суждено судьбой,
Ты не гляди, как я владею чашей,
Гляди, как я владею сам собой.

332

Для достойного — нету достойных наград,
Я живот положить за достойного рад.
Хочешь знать, существуют ли адские муки?
Жить среди недостойных — вот истинный ад!

333

Ты задался вопросом: что есть человек?
Образ божий. Но логикой Бог пренебрег:
Он его извлекает на миг из пучины —
И обратно в пучину швыряет навек.

334

Веселясь беззаботно, греша без конца,
Не теряю надежды на милость Творца.
Снова, пьяный мертвецки, лежу под забором.
Лягу в землю — Создатель простит мертвеца!

335

Раб страстей, я в унынье глубоком — увы!
Жизнь прожив, сожалею о многом — увы!
Даже если простит меня Бог милосердный,
Стыдно будет стоять перед Богом — увы!

336

Ты, о небо, за горло счастливец берешь,
Ты рубаху, в которой родился он, рвешь,
Ветер — в пламя и воду — во прах превращая,
Ни вздохнуть, ни напиться ему не даешь.

337

Чистый дух, заключенный в нечистый сосуд,
После смерти на небо тебя вознесут!
Там — ты дома, а здесь — ты в неволе у тела,
Ты стыдишься того, что находишься тут.

338

Веселись! Невеселые сходят с ума.
Светит вечными звездами вечная тьма.
Как привыкнуть к тому, что из мыслящей плоти
Кирпичи изготовят и сложат дома?

339

Счастлив тот, кто в шелку и парче не блистал,
Книгу славы мирской никогда не листал,
Кто, как птица Симуург*, отрешился от мира,
Но совою, подобно Хайяму, не стал.

340

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь — хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!

341

Увидав черепки — не топчи черепка.
Берегись! Это бывших людей черепа.
Чаши лепят из них — а потом разбивают.
Помни, смертный: придет и твоя череда!

342

Не рыдай! Ибо нам не дано выбирать:
Плач не плачь — а прядется и нам умирать,
Глиной ставшие мудрые головы наши
Завтра будет ногами гончар попирать.

343

О Палаточник! Бренное тело твое —
Для бесплотного духа земное жильё.
Смерть снесет полотняную эту палатку,
Когда дух твой бессмертный покинет ее.

344

Словно мячик, гонимый жестокой судьбой,
Мчись вперед, торопись под удар, на убой!
Хода этой игры не изменишь мольбой,
Знает правила тот, кто играет с тобой.

345

Я спросил у мудрейшего: «Что ты извлек
Из своих манускриптов?» — Мудрейший изрек:
«Счастлив тот, кто в объятых красавицы нежной
По ночам от премудрости книжной далек!»

346

Не тверди мне, больному с похмелья: «Не пей!»
Все равно я лекарство приму, хоть убей!
Нету лучшего средства от горестей мира —
Виноградную кровью лечусь от скорбей!

347

Так как разум у нас в невысокой цене,
Так как только дурак безмятежен вполне —
Утоплю-ка остаток рассудка в вине:
Может статься, судьба улыбнется и мне!

348

Все, что видишь ты, — видимость только одна,
Только форма — а суть никому не видна,
Смысла этих картинок понять не пытайся —
Сядь спокойно в сторонке и выпей вина!

349

Дух мой чистый, ты гость в моем теле земном!
Я с утра подкреплю тебя чистым вином,
Чтобы ты не томился в обители праха,
До того как проститься со мной перед сном.

350

В жизни сей опьянение лучше всего,
Нежной гурии пение лучше всего,
Вольной мысли кипение лучше всего,
Всех запретов забвение лучше всего.

351

Ты у ног своих скоро увидишь меня,
Где-нибудь у забора увидишь меня,
В куче праха и сора увидишь меня,
В полном блеске позора увидишь меня!

352

Хочешь — пей, но рассудка спьяна не теряй,
Чувства меры спьяна, старина, не теряй,
Берегись оскорбить благородного спьяну,
Дружбы мудрых за чашей вина не теряй.

353

Так как смерть все равно мне пощады не даст —
Пусть мне чашу вина виночерпий подаст!
Так как жизнь коротка в этом временном мире,
Скорбь для смертного сердца —
ненужный балласт.

354

Был бы я благочестьем прославиться рад,
Был бы рад за грехи не отправиться в ад,
Но божественный сок твоих лоз, виноград,
Для души моей — лучшая из наград!

355

Не устану в неверном театре теней
Совершенства искать до конца своих дней.
Утверждаю: лицо твое — солнца светлее,
Утверждаю: твой стан — кипариса стройней.

356

Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла,
Словно пьяная ночь, беспросветно прошла.
Жизнь, мгновенье которой равно мирозданию,
Как меж пальцев песок, незаметно прошла!

357

Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесть.

358

Для того, кто усами кабак подметал,
Кто швырял, не считая, презренный металл —
Пусть столкнутся миры и обрушится небо —
Для него все равно: пьяный, он задремал...

359

Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла,
Мимо, мимо, как облако дыма, прошла.
Пусть я горя хлебнул, не хлебнув наслажденья, —
Жалко жизни, которая мимо прошла.

360

Опасайся плениться красавицей, друг!
Красота и любовь — два источника мук.
Ибо это прекрасное царство не вечно:
Поражает сердца — и уходит из рук.

361

Так как вечных законов твой ум не постиг —
Волноваться смешно из-за мелких интриг.
Так как Бог в небесах неизменно велик —
Будь спокоен и весел, цени этот миг.

362

Страстью раненный, слезы без устали лью,
Исцелить мое бедное сердце молю,
Ибо вместо напитка любовного небо
Кровью сердца наполнило чашу мою.

363

Сад цветущий, подруга и чаша с вином —
Вот мой рай. Не хочу очутиться в ином.
Да никто и не видел небесного рая!
Так что будем пока утешаться в земном.

364

Что ты плачешь и стонешь? Я в толк не возьму,
Встань и выпей вина. Горевать ни к чему.
Долго ль будет глядеть светлоликое солнце
На несчастных, лицом обращенных во тьму?

365

Поскольку бесконечен этот мир,
Поскольку бессердечен этот мир —
Напрасно не тужи о вечной жизни:
Для нас с тобой не вечен этот мир.

366

Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости,
Все, что выпало, надо успеть проиграть.

367

Виночерпий! Расплавленный лал принеси.
Лунолика! В кубок уста погрузи.
Ибо жаркие губы любимой и кубок
С этой огненной влагою — в кровной связи.

368

О прославленном скажут: «Спесивая знать!»
О смиренном святом: «Притворяется, знать...»
Хорошо бы прожить никому не известным,
Хорошо самому никого бы не знать.

369

О мудрец! Если Бог тебе дал напрокат
Музыкантшу, вино, ручеек и закат —
Не выращивай в сердце безумных желаний,
Если все это есть — ты безмерно богат!

370

Я раскаянья полон на старости лет.
Нет прощенья мне, оправдания нет.
Я, безумец, не слушался божьих велений —
Делал все, чтобы только нарушить запрет!

371

Бросил пить я. Тоска мою душу сосет.
Всяк дает мне советы, лекарства несет.
Ни одно облегчения мне не приносит —
Только полная чарка Хайяма спасет!

372

Нищий мнит себя шахом, напившись вина,
Львом лисица становится, если пьяна.
Захмелевшая старость беспечна, как юность.
Опьяневшая юность, как старость, умна.

373

О мудрец! Если тот или этот дурак
Называет рассветом полуночный мрак, —
Притворись дураком и не спорь с дураками.
Каждый, кто не дурак, — вольнодумец и враг!

374

Страсть к неверной сразила меня, как чума.
Не по мне моя милая сходит с ума!
Кто же нас, мое сердце, от страсти излечит,
Если лекарша наша страдает сама?

375

Мне, Господь, надоела моя нищета,
Надоела надежд и желаний тщета.
Дай мне новую жизнь, если ты всемогущий!
Может, лучше, чем эта, окажется та.

376

К Нему идти ты хочешь? Оставь жену, детей,
И все, что мило сердцу, и близких и друзей,
Все устрани, что может связать тебя в пути:
Чтоб двигаться свободно, все пути рви скорей.

377

Для тех, кто умирает, Багдад и Балх — одно;
Горька ль, сладка ли чаша, мы в ней увидим дно.
Ущербный месяц гаснет — вернется молодым,
А нам уж не вернуться... Молчи и пей вино!

378

Пока твой не смешали с гончарной глиной прах,
Пока другим не служишь ты кружкой на пирах,
Пей сам, скорее, чаще! Про ад и рай забудь...
Нет времени нам думать о всяких пустяках.

379

Ты — дух животворящий, ты — чистое вино,
От всех скорбей целенье в тебе одном дано.
Еще мне две-три чаши! Как можно говорить,
Что лучшее лекарство больным запрещено.

380

Раскаянья обеты забыли мы теперь
И наглухо закрыли для доброй славы дверь.
Мы вне себя; за это ты нас не осуждай:
Вином любви мы пьяны, не лоз вином, поверь!

381

Противоядье скорби, рубин целебных лоз
Душист, как мускус черный, и ал, как пурпур роз.
Подай вина и лютню, и обезвредим мы
Смертельный яд печали, отраву едких слез.

382

Заря! Дай чашу с ярким, как пурпур роз, вином;
Сосуд же доброй славы о камень разобьем.
Что за мечтой тянуться? Хочу я здесь перстом
Твоих кудрей коснуться и лютни струн потом.

383

Грозит нам свод небесный бедой — тебе и мне,
И надо ждать разлуки с душой — тебе и мне.
Приляг на мягком дерне! В могиле суждено
Питать все эти корни собой — тебе и мне.

384

Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорают в пепел, в прах, а где, скажите, дым?

385

Кто в тайны вечности проник? Не мы, друзья,
Осталась темной нам загадка бытия,
За пологом про «я» и «ты» порою шепчут,
Но полог упадет — и где мы, ты и я?

386

Никто не лицезрел ни рая, ни геенны;
Вернулся ль кто-нибудь оттуда в мир наш тленный?
Но эти призраки бесплотные — для нас
И страхов и надежд источник неизменный.

387

Мы чистыми пришли, — с клеймом на лбах уходим,
Мы с миром на душе пришли, — в слезах уходим,
Омытую водой очей и кровью жизнь
Пускаем на ветер и снова в прах уходим.

388

Под этим небом жизнь — терзаний череда,
А сжалится ль оно над нами? Никогда.
О нерожденные! Когда б о наших муках
Вам довелось узнать, не шли бы вы сюда.

393

Чтоб счастье испытать, вина себе налей,
День нынешний презри, о прошлых не жалеи,
И цепи разума хотя б на миг единый,
Тюремщик временный, сними с души своей.

394

Мне свят веселый смех иль пьяная истома,
Другая вера мне иль ересь незнакома.
Я спрашивал судьбу: «Кого же любишь ты?»
Она в ответ: «Сердца, где радость вечно дома».

395

Пусть не томят тебя пути судьбы проклятой,
Пусть не волнуют грудь победы и утраты.
Когда покинешь мир — ведь будет все равно,
Что делал, говорил, чем запятнал себя ты.

396

День завтрашний от нас густою мглой закрыт,
Одна лишь мысль о нем пугает и томит.
Летучий этот миг не упускай! Кто знает,
Не слезы ли тебе грядущее сулит?

397

Что б ты ни делал, рок с кинжалом острым —
рядом,
Коварен и жесток он к человечьим чадам.
Хотя б тебе в уста им вложен пряник был, —
Смотри, не ешь его, — он, верно, смешан с ядом.

398

На чьем столе вино, и сладости, и плов?
Сырого неуча. Да, рок — увы — таков!
Турецкие глаза — красивейшие в мире —
Находим у кого? Обычно у рабов.

399

О, как безжалостен круговорот времен!
Им ни один из всех узлов не разрешен:
Но, в сердце чьем-нибудь едва заметив рану,
Уж рану новую ему готовит он.

400

Мужи, чьей мудростью был этот мир пленен,
В которых светочей познания видел он,
Дороги не нашли из этой ночи темной,
Посуесловили и погрузились в сон.

401

Мне так небесный свод сказал: «О человек,
Я осужден судьбой на этот страшный бег.
Когда б я властен был над собственным вращеньем,
Его бы я давно остановил навек».

402

Когда б в желаниях я быть свободным мог
И власть бы надо мной утратил злобный рок,
Я был бы рад на свет не появляться вовсе,
Чтоб не было нужды уйти чрез краткий срок.

403

Будь милосердна, жизнь, мой виночерпий злой!
Мне лжи, бездушия и подлости отстой
Довольно подливать! Поистине, из кубка
Готов я выплеснуть напиток горький твой.

404

О сердце, твой удел, — вовек не зная сна,
Из чаши скорби пить, испить ее до дна.
Зачем, душа, в моем ты поселилась теле,
Раз из него уйти ты все равно должна?

405

Кого из нас не ждет последний, Страшный суд,
Где мудрый приговор над ним произнесут?
Предстанем же в тот день, сверкая белизною:
Ведь будет осужден весь темноликий люд.

406

Вот снова день исчез, как ветра легкий стон,
Из нашей жизни, друг, навеки выпал он.
Но я, покуда жив, тревожиться не стану
О дне, что отошел, и дне, что не рожден.

407

Лепящий черепа таинственный гончар
Особый проявил к сему искусству дар:
На скатерть бытия он опрокинул чашу
И в ней пылающий зажег страстей пожар.

408

Будь все добро мое кирпич один, в кружало*
Его бы я отнес в обмен на полбокала.
Как завтра проживу? Продам чалму и плащ,
Ведь не святая же Мария их соткала.

409

Гора, вина хлебнув, и то пошла бы в пляс.
Глупец, кто для вина лишь клевету припас.
Ты говоришь, что мы должны вина чураться?
Вздор! Это дивный дух, что оживляет нас.

410

Цветочек вывел ли из почвы рок хоть раз,
Чтоб не сломить его, не растоптать тотчас?
Когда бы облака, как влагу, прах копили —
Из них бы милых кровь без усталы лилась.

411

Дивлюсь тебе, гончар, что ты имеешь дух
Мять глину, бить, давать ей сотни оплеух,
Ведь этот влажный прах трепещущей был плотью,
Покуда жизненный огонь в нем не потух.

412

Знай, в каждом атоме тут, на земле, таится
Дышавший некогда кумир прекраснолицый.
Снимай же бережно пылинку с милых кос:
Прелестных локонов была она частицей.

413

Увы, не много дней нам здесь побыть дано,
Прожить их без любви и без вина — грешно.
Не стоит размышлять, мир этот стар иль молод:
Коль суждено уйти — не все ли нам равно?

414

О, если б, захватив с собой стихов диван*
Да в кувшине вина и сунув хлеб в карман,
Мне провести с тобой денек среди развалин, —
Мне позавидовать бы мог любой султан.

415

За то, что вечно пьем и в опьяненье пляшем,
За то, что почести оказываем чашам,
Нас не кори, ханжа! Мы влюблены в вино,
И милье уста всегда к услугам нашим.

416

Кумир мой, вылепил тебя таким гончар,
Что пред тобой луна своих стыдится чар.
Другие к празднику себя пусть украшают,
Ты — праздник украшать собой имеешь дар.

417

Кумир мой — горшая из горьких неудач!
Сам ввергнут, но не мной, в любовный жар и плач.
Увы, надеяться могу ль на исцеленье,
Раз тяжело занемог единственный мой врач?

418

Ты сердце бедное мое, Господь, помилуй,
И грудь, которую томит огонь постылый,
И ноги, что всегда несут меня в кабак,
И руку, что сжимать так любит кубок милый.

419

Растить в душе побег унынья — преступленье,
Пока не прочтена вся книга наслажденья.
Лови же радости и жадно пей вино:
Жизнь коротка, увы! Летят ее мгновенья.

420

Скорей вина сюда! Теперь не время сну,
Я славить розами ланит хочу весну.
Но прежде Разуму, докучливому старцу,
Чтоб усыпить его, в лицо вином плесну.

421

День завтрашний — увы! — сокрыт от наших глаз!
Спешి использовать летящий в бездну час.
Пей, луноликая! Как часто будет месяц
Всходить на небосвод, уже не видя нас.

422

Лик розы освежен дыханием весны,
Глаза возлюбленной красой лугов полны.
Сегодня чудный день! Возьми бокал, а думы
О зимней стуже брось: они всегда грустны.

423

Друзья, бокал — рудник текучего рубина,
А хмель — духовная бокала сердцевина.
Вино, что в хрустале горит, — покровом слез
Едва прикрытая кровавая пучина.

424

Спросил у чаши я, прильнув устами к ней:
«Куда ведет меня череда ночей и дней?»
Не отрывая уст, ответила мне чаша:
«Ах, больше в этот мир ты не вернешься. Пей!»

425

Бокала полного веселый вид мне люб,
Звук арф, что жалобно при том звенит, мне люб,
Ханжа, которому чужда отрада хмеля, —
Когда он за сто верст, горами скрыт, — мне люб.

426

Разумно ль смерти мне страшиться? Только раз
Я ей взгляну в лицо, когда придет мой час.
И стоит ли жалеть, что я — кровавой слизи,
Костей и жил мешок — исчезну вдруг из глаз?

427

Сказал мне розан: «Я — Юсуф*, пришедший в сад,
Рубином, золотом уста мои горят». —
«Где доказательства, что ты Юсуф?» — спросил я.
«Мой окровавленный, — ответил он, — наряд».

428

Ах, сколько, сколько раз, вставая ото сна,
Я обещал, что впредь не буду пить вина,
Но нынче, Господи, я не даю зарока:
Могу ли я не пить, когда пришла весна?

429

Влюбленный на ногах пусть держится едва,
Пусть у него гудит от хмеля голова.
Лишь трезвый человек заботами снедаем,
А пьяному ведь все на свете трын-трава.

430

Мне часто говорят: «Поменьше пей вина!
В том, что ты пьянствуешь, скажи нам, чья вина?»
Лицо возлюбленной моей повинно в этом:
Я не могу не пить, когда со мной она.

431

В бокалы влей вина и песню затяни нам,
Свой голос примешав к стенаньям соловьиным!
Без песни пить нельзя, — ведь иначе вино
Нам разливалось бы без бульканья кувшином.

432

Запрет вина — закон, считающийся с тем,
Кем пьется, и когда, и много ли, и с кем.
Когда соблюдены все эти оговорки,
Пить — признак мудрости, а не порок совсем.

433

Как долго пленными нам быть в тюрьме мирской?
Кто сотню лет иль день велит нам жить с тоской?
Так лей вино в бокал, откуда сам не стал ты
Посудой глиняной в гончарной мастерской.

434

Налей, хоть у тебя уже усталый вид,
Еще вина: оно нам жизнь животворит,
О мальчик, поспеши! Наш мир подобен сказке,
И жизнь твоя, увы, без усталости бежит.

435

Пей, ибо скоро в прах ты будешь обращен.
Без друга, без жены твой долгий будет сон.
Два слова на ухо сейчас тебе шепну я:
«Когда тюльпан увял, расцвести не может он».

436

Все те, что некогда, шумя, сюда пришли
И обезумели от радостей земли, —
Пригубили вина, потом умолкли сразу
И в лоно вечного забвения легли.

437

Я к гончару зашел: он за комком комок
Клал глину влажную на круглый свой станок:
Лепил он горлышки и ручки для сосудов
Из царских черепов и из пастушьих ног.

438

Пускай ты прожил жизнь без тяжких мук, —
    что дальше?
Пускай твой жизненный замкнулся круг, —
    что дальше?
Пускай, блаженствуя, ты проживешь сто лет
И сотню лет еще, — скажи, мой друг,
    что дальше?

439

Приход наш и уход загадочны, — их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели,
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?

440

Хоть сотню проживи, хоть десять сотен лет,
Придется все-таки покинуть этот свет,
Будь падишахом ты иль нищим на базаре, —
Цена тебе одна: для смерти санов нет.

441

Ты видел мир, но все, что ты видал, — ничто.
Все то, что говорил ты и слышал, — ничто.
Итог один, весь век ты просидел ли дома,
Иль из конца в конец мир исшагал, — ничто.

442

От стрел, что мечет смерть, нам не найти щита:
И с нищим, и с царем она равно крута.
Чтоб с наслажденьем жить, живи для наслажденья,
Все прочее — поверь! — одна лишь суета.

443

Где высился чертог в далекие года
И проводила дни султанов череда,
Там ныне горлица сидит среди развалин
И плачет жалобно: «Куда, куда, куда?».

444

Ужели бы гончар им сделанный сосуд
Мог в раздражении разбить, презрев свой труд?
А сколько стройных ног, голов и рук прекрасных,
Любовно сделанных, в сердцах разбито тут!

449

Жестокий этот мир нас подвергает смене
Безвыходных скорбей, безжалостных мучений.
Блажен, кто побыл в нем недолго и ушел,
А кто не приходил совсем, еще блаженней.

450

От страха смерти я, — поверьте мне, — далек:
Страшнее жизни что мне приготовил рок?
Я душу получил на подержанье только
И возвращу ее, когда наступит срок.

451

С тех пор, как на небе Венера и Луна,
Кто видел что-нибудь прекраснее вина?
Дивлюсь, что продают его виноторговцы:
Где вещь, что ценностью была б ему равна?

452

Твои дары, о жизнь, — унынье и туга;
Хмельная чаша лишь одна нам дорога.
Вино ведь — мира кровь, а мир —
наш кровопийца,
Так как же нам не пить кровь кровного врага?

457

Водой небытия зародыш мой вспоен,
Огнем страдания мой мрачный дух зажжен;
Как ветер, я несусь из края в край Вселенной
И горсточкой земли окончу жизни сон.

458

Из всех, которые ушли в тот дальний путь,
Назад вернулся ли хотя бы кто-нибудь?
Не оставляй добра на перекрестке этом:
К нему возврата нет, — об этом не забудь.

459

Нам с гуриями рай сулят на свете том
И чаши, полные пурпуровым вином.
Красавиц и вина бежать на свете этом
Разумно ль, если к ним мы все равно придем?

460

От вешнего дождя не стало холодней;
Умыло облако цветы, и соловей
На тайном языке взывает к бледной розе:
«Красавица, вина пурпурного испей!»

461

Вы говорите мне: «За гробом ты найдешь
Вино и сладкий мед. Кавсер* и гурий». Что ж,
Тем лучше. Но сейчас мне кубок поднесите:
Дороже тысячи в кредит — наличный грош.

462

Как много было зорь и сумерек до нас!
Недаром небесам кружиться дан приказ.
Будь осторожнее, ступню на землю ставя,
Повсюду чей-нибудь прекрасный тлеет глаз.

463

Небесный свод жесток и скуп на благодать,
Так пей же и на трон веселия воссядь.
Пред Господом равны и грех и послушанье,
Бери ж от жизни все, что только можешь взять.

464

Сей жизни караван не мешкает в пути:
Повеселившись чуть, мы прочь должны уйти.
О том, что завтра ждет товарищей, не думай,
Неси вина сюда, — уж рассвело почти.

465

Пред взором милых глаз, огнем вина объятый,
Под плеск ладоней в пляс лети стопой крылатой!
В десятом кубке прок, ей-ей же, не велик:
Чтоб жажду утолить, готовь шестидесятый.

466

Увы, от мудрости нет в нашей жизни прока,
И только круглые глупцы — любимцы рока.
Чтоб ласковей ко мне был рок, подай сюда
Кувшин мутящего нам ум хмельного сока.

467

Пред пьяным соловьем, влетевшим в сад, сверкал
Средь роз смеющихся смеющийся бокал,
И, подлетев ко мне, певец любви на тайном
Наречии: «Лови мгновение!» — сказал.

468

Общаясь с дураком, не оберешься срама,
Поэтому совет ты послушай Хайяма:
Яд, мудрецом тебе предложенный, прими,
Из рук же дурака не принимай бальзама.

469

Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот.
Чтоб людям угодить, полезен лъстивый шепот.
Пытался часто я лукавить и хитрить,
Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.

470

О чадо четырех стихий, внемли ты вести
Из мира тайного, не знающего лести!
Ты зверь и человек, злой дух и ангел ты;
Все, чем ты кажешься, в тебе таится вместе.

471

Прославься в городе — возбудишь озлобленье,
А домоседом стань — возбудишь подозренье,
Не лучше ли тебе, хотя б ты Хызром* был,
Ни с кем не знаться, жить всегда в уединенье?

472

Мы пьем не потому, что тянемся к веселью,
И не разнузданность себе мы ставим целью.
Мы от самих себя хотим на миг уйти
И только потому к хмельному склонны зелью.

473

Скорее пробудись от сна, о мой саки*!
Налей пурпурного вина, о мой саки!
Пока нам черепа не превратили в чаши,
Пусть будет пара чаш полна, о мой саки!

474

Огню, сокрытому в скале, подобен будь,
А волны смерти все ж к тебе разыщут путь.
Не прах ли этот мир? О, затяни мне песню!
Не дым ли эта жизнь? Вина мне дай хлебнуть!

475

Усами я мету кабацкий пол давно,
Душа моя глуха к добру и злу равно.
Обрушся мир, — во сне хмельном пробормочу я:
«Скатилось, кажется, ячменное зерно».

476

Сей пир, в котором ты живешь, — мираж, не боле,
Так стоит ли роптать и жаждать лучшей доли?
С мученьем примиришь и с роком не воюй:
Начертанное им стереть мы в силах, что ли?

477

Ты все пытаешься проникнуть в тайны света,
В загадку бытия... К чему, мой друг, все это?
Ночей и дней часы беспечно проводи,
Ведь все устроено без твоего совета.

478

Египет, Рим, Китай держи ты под пятой,
Владыкой мира будь, — удел конечный твой
Ничем от моего не будет отличаться:
Три локтя савана и пядь земли сырой.

479

Мне чаша чистого вина всегда желанна,
И стоны нежных флейт я б слушал неустанно.
Когда гончар мой прах преобразит в кувшин,
Пускай наполненным он будет постоянно.

480

Увы, нас вычеркнет из книги жизни рок,
И смертный час от нас, быть может, недалек.
Не медли же, саки, неси скорее влагу,
Чтоб ею оросить наш прах ты завтра мог.

481

Как полон я любви, как чуден милой лик,
Как много я б сказал и как мой нем язык!
Не странно ль, Господи? От жажды изнываю,
А тут же предо мной течет живой родник.

482

Поменьше размышляй о зле судьбины нашей,
С утра до вечера не расставайся с чашей,
К запретной дочери лозы присядь, — она
Своей дозволенной родительницы краше.

483

Охотно платим мы за всякое вино,
А мир? Цена ему — ячменное зерно.
«Окончив жизнь, куда уйдем?» Вина налей мне
И можешь уходить, — куда, мне все равно.

484

С друзьями радуйся, пока ты юн, весне:
В кувшине ничего не оставляй на дне!
Ведь был же этот мир водой когда-то залит,
Так почему бы нам не утонуть в вине?

485

На мир — пристанище немногих наших дней —
Я долго устремлял пытливый взор очей.
И что ж? Твое лицо светлей, чем светлый месяц;
Чем стройный кипарис, твой чудный стан прямей.

486

Чье сердце не горит любовью страстной к милой, —
Без утешения влачит свой век унылый.
Дни, проведенные без радостей любви,
Считаю тяготой ненужной и постылой.

487

Скажи, за что меня преследуешь, о небо?
Будь камни у тебя, ты все их слало мне бы.
Чтоб воду получить, я должен спину гнуть,
Бродяжить должен я из-за краюхи хлеба.

488

Богатством, — слова нет, — не заменить ума,
Но неимущему и рай земной — тюрьма.
Фиалка нищая склоняет лик, а роза
Смеется: золотом полна ее сума.

489

Тому, на чьем столе надтреснутый кувшин
Со свежелою водою и только хлеб один,
Увы, приходится пред тем, что ниже, гнуться
Иль называть того, кто равен, «господин».

490

О, если б каждый день иметь краюху хлеба,
Над головою кров и скромный угол, где бы
Ничьим владыкою, ничьим рабом не быть!
Тогда благословить за счастье можно б небо.

491

Для тех, кто искушен в коварстве нашей доли,
Все радости и все мученья не одно ли?
И зло и благо нам даны на краткий срок, —
Лечиться стоит ли от мимолетной боли?

492

Ты знаешь, почему в передрабсветный час
Петух свой скорбный клич бросает столько раз?
Он в зеркале зари увидеть понуждает,
Что ночь — еще одна — прошла тайком от нас.

493

Небесный круг, ты — наш извечный супостат!
Нас обездоливать, нас истязать ты рад.
Где б ни копнуть, земля, в твоих глубинах, — всюду
Лежит захваченный у нас бесценный клад.

494

Ответственность за то, что краток жизни сон,
Что ты отрадою земною обделен,
На бирюзовый свод не возлагай упрямо:
Поистине, тебя беспомощнее он.

495

Свод неба, это — горб людского бытия,
Джейхун* — кровавых слез ничтожная струя,
Ад — искра из костра безвыходных страданий,
Рай — радость краткая, о человек, твоя!

496

Мне без вина прожить и день один — страданье.
Без хмеля я с трудом влачу существованье.
Но близок день, когда мне чашу подадут,
А я поднять ее не буду в состоянье.

497

Ты, книга юности, дочитана, увы!
Часы веселия, навек умчались вы!
О птица-молодость, ты быстро улетела,
Ища свежей лугов и зеленой листвы.

498

Недолг розы век: чуть расцвела — увяла,
Знакомство с ветерком едва свела — увяла.
Недели не прошло, как родилась она,
Темницу тесную разорвала — увяла.

499

Лишь на небе рассвет займется еле зримый,
Тяни из чаши сок лозы неоценимой!
Мы знаем: истина в устах людей горька, —
Так, значит, истиной вино считать должны мы.

500

Прочь мысли все о том, что мало дал мне свет.
И нужно ли бежать за наслажденьем вслед!
Подай вина, саки! Скорей, ведь я не знаю,
Успею ль, что вдохнул, я выдохнуть иль нет.

501

С тех пор как отличать я руки стал от ног,
Ты руки мне связал, безмерно подлый рок,
Но взыщешь и за дни, когда мне не сверкали
Ни взор красавицы, ни пьяных гроздий сок.

502

Наполнил зернами бессмертный Ловчий сети,
И дичь попала в них, польстясь на зерна эти.
Назвал он эту дичь людьми и на нее
Взвалил вину за зло, что сам творит на свете.

503

Раз Божьи и мои желания несходны,
Никак не могут быть мои богоугодны.
Коль воля Господа блага, то от грехов
Мне не спастись, увы, — усилия бесплодны.

504

Когда под утренней росой дрожит тюльпан,
И низко, до земли, фиалка клонит стан,
Любуюсь розой я: как тихо подбирает
Бутон свою полу, дремотой сладкой пьян!

505

То не моя вина, что наложить печать
Я должен на свою заветную тетрадь:
Мне чернь ученая достаточно знакома,
Чтоб тайн своей души пред ней не разглашать.

506

Владыкой рая ли я вылеплен иль ада,
Не знаю я, но знать мне это и не надо:
Мой ангел, и вино, и лютня здесь, со мной,
А для тебя они — загробная награда.

507

Налей вина, саки! Тоска стесняет грудь;
Не удержать нам жизнь, текучую, как ртуть.
Не медли! Краток сон дарованного счастья.
Не медли! Юности, увы, недолог путь.

508

Увы, глоток воды хлебнуть не можешь ты,
Чтоб не прибавил рок и хмеля маеты;
Не можешь посолить ломоть ржаного хлеба,
Чтоб не задела ран соленые персты.

509

Сказала роза: «Ах, на розовый елей
Краса моя идет, которой нет милей!» —
«Кто улыбался миг, тот годы должен плакать», —
На тайном языке ответил соловей.

510

На происки судьбы злокозненной не сетуй,
Не утопай в тоске, водой очей согретой!
И дни и ночи пей пурпурное вино,
Пока не вышел ты из круга жизни этой.

511

Трава, которую — гляди! — окаймлена
Рябь звонкого ручья, — душиста и нежна.
Ее с презрением ты не топчи: быть может,
Из праха ангельской красоты взошла она.

512

Фаянсовый кувшин, от хмеля как во сне,
Недавно бросил я о камень; вдруг вполне
Мне внятным голосом он прошептал: «Подобен
Тебе я был, а ты подобен будешь мне».

513

Вчера в гончарную зашел я в поздний час,
И до меня горшков беседа донеслась.
«Кто гончары, — вопрос один из них мне задал, —
Кто покупатели, кто продавцы средь нас?»

514

Когда, как деревцо, меня из бытия
С корнями вырвет рок и в прах рассыплюсь я,
Кувшин для кабака пусть вылепят из праха, —
Наполненный вином, я оживу, друзья.

515

Нам жизнь навязана; ее водоворот
Ошеломляет нас, но миг один — и вот
Уже пора уйти, не зная цели жизни,
Приход бессмысленный, бессмысленный уход!

516

Когда ты для меня слепил из глины плоть,
Ты знал, что мне страстей своих не побороть;
Не ты ль тому виной, что жизнь моя греховна?
Скажи, за что же мне гореть в аду, Господь?

517

Ты к людям милосерд? Да нет же, не похоже!
Изгнал ты грешника из рая отчего же?
Заслуга велика ль послушного простить?
Прости ослушника, о милосердный Боже!

518

Когда-нибудь, огнем любовным обуян,
В душистых локонах запутавшись и пьян,
Паду к твоим ногам, из рук роняя чашу
И с пьяной головы растрепанный тюрбан.

519

С той горсточкой невежд, что нашим миром правят
И выше всех людей себя по званию ставят,
Не ссорся! Ведь того, кто не осел, тотчас
Они крамольником, еретиком ославят.

520

Знайся только с достойными дружбы людьми,
С подлецами не знайся, себя не срами.
Если подлый лекарство нальет тебе — вылей!
Если мудрый подаст тебе яду — прими!

521

Я сказал: «Виночерпий сродни палачу.
В чашах — кровь. Кровопийцею быть не хочу!»
Мудрый мой собутыльник воскликнул: «Ты шутишь!»
Я налил и ответил: «Конечно, шучу!»

522

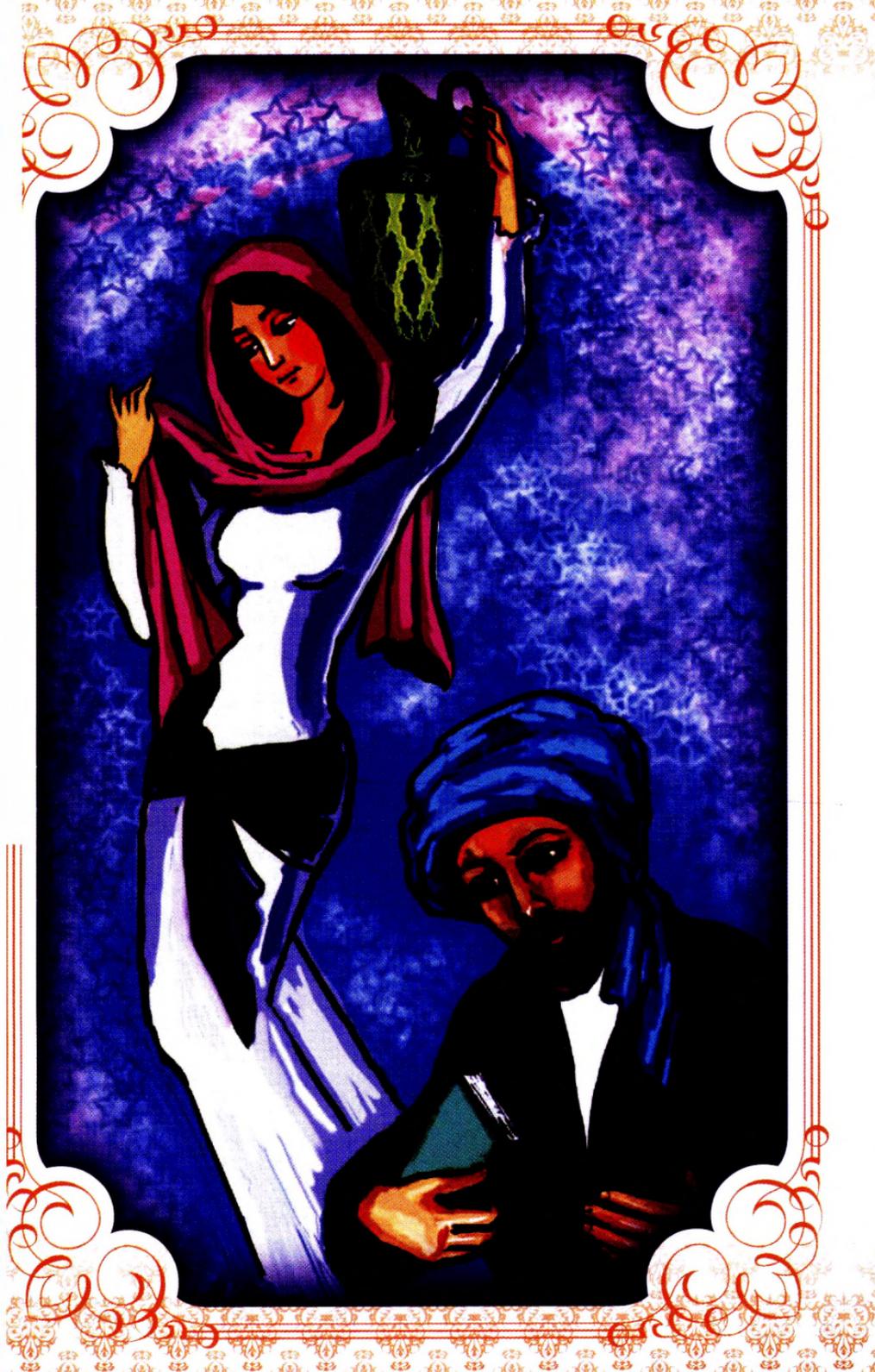
Что я дружу с вином, не отрицаю, нет,
Но справедливо ли хулишь меня, сосед?
О, если б все грехи рождали опьяненье!
Тогда бы слышали мы только пьяный бред.

523

Долго ль будешь, мудрец, у рассудка в плену?
Век наш краток — не больше аршина в длину.
Скоро станешь ты глиняным винным кувшином.
Так что пей, привыкай постепенно к вину!

524

Старайся принимать без ропота мученья,
Не жалуйся на боль — вот лучшее лечение.
Чтоб стал ты богачом, за нищенский удел
Благодари светил случайное стечение.

525

Нет благороднее растений и милее,
Чем черный кипарис и белая лилея.
Он, сто имея рук, не тычет их вперед;
Она всегда молчит, сто языков имея.

526

На свете можно ли безгрешного найти?
Нам всем заказаны безгрешные пути.
Мы худо действуем, а Ты нас злом караешь,
Меж нами и Тобой различья нет почти.

527

Я — словно старый дуб, что бурей разбит;
Увял и пожелтел гранат моих ланит,
Все естество мое — колонны, стены, кровля, —
Развалиною став, о смерти говорит.

528

У занимающих посты больших господ
Нет в жизни радостей от множества забот,
А вот подите же: они полны презренья
Ко всем, чьи души червь стяжанья не грызет.

529

Где розы расцвели, там почву, что растит их,
Всю пропитала кровь царей, давно забытых;
А каждый лепесток фиалки темной был
Когда-то родинкой на розовых ланитах.

530

В день завтрашний нельзя сегодня заглянуть,
Одна лишь мысль о нем стесняет мукой грудь.
Кто знает, много ль дней тебе прожить осталось?
Не трать их попусту, благоразумен будь.

531

Прошу могилу мне с землей сровнять, да буду
Смиренья образцом всему честному люду;
Затем, смесив мой прах с пурпуровым вином,
Покрышку вылепить к кабацкому сосуду.

532

Бушуют в келиях, мечетях и церквах
Надежда в рай войти и перед адом страх.
Лишь у того в душе, кто понял тайну мира,
Сок этих сорных трав весь высох и зачах.

533

Неправ, кто думает, что Бог неумолим.
Нет, к нам он милосерд, хотя мы и грешим.
Ты в кабаке умри сегодня от горячки, —
Сей грех он через год простит костям твоим.

534

В глуби небес — бокал, невидимый для глаз;
Он уготован там для каждого из нас.
Поэтому, мой друг, к его краям устами
Прильни безропотно, когда придет твой час.

535

Что плоть твоя, Хайям? Шатер, где на ночевку,
Как странствующий шах, дух сделал остановку.
Он завтра на заре свой путь возобновит,
И смерти злой фарраш* свернет шатра веревку.

536

Цветам и запахам владеть тобой доколе?
Доколь добру и злу твой ум терзать до боли?
Ты хоть Земземом* будь, хоть юности ключом,
В прах должен ты уйти, покорен общей доле.

537

Я пью, — что говорить, но не буяню спьяну;
Я жаден, но к чему? Лишь к полному стакану.
Да, свято чтить вино до смерти буду я,
Себя же самого, как ты, я чтить не стану.

538

Чем омываться нам, как не вином, друзья?
Мила нам лишь в кабаке ведущая стезя.
Так будем пить! Ведь плащ порядочности нашей
Изодран, заплатать его уже нельзя.

539

Хмельная чаша нам хотя запрещена,
Не обходись и дня без песни и вина;
На землю выливай из полной чаши каплю,
А после этого всю осушай до дна.

540

Не ставь ты дураку хмельного угощенья,
Чтоб оградить себя от чувства отвращенья:
Напившись, криками он спать тебе не даст,
А утром надоест, прося за то прощенья.

541

Коль ты мне друг, оставь словесную игру
И мне вина налей; когда же я умру,
Из праха моего слепив кирпич, снеси ты
Его в кабак и там заткни в стене дыру.

542

Когда последний вздох испустим мы с тобой,
По кирпичу на прах положат мой и твой.
А сколько кирпичей насышат надмогильных
Из праха нашего уж через год-другой!

543

Про вечность и про тлен оставим разговор,
В потоке мыслей я почувствовал затор.
Что может заменить вино в часы веселья?
Мгновенно перед ним стихает всякий спор.

544

Хочу упиться так, чтоб из моей могилы,
Когда в нее сойду, шел винный запах милый,
Чтоб вас он опьянял и замертво валил,
Мимолетные товарищи-кутилы!

545

Упиться торопись вином: за шестьдесят
Тебе удастся ли перевалить? Навряд.
Покуда череп твой в кувшин не превратили,
Ты с кувшином вина не расставайся, брат.

546

Полету ввысь, вино, ты учишь души наши,
С тобой, как с родинкой, красавец Разум краше.
Мы трезво провели весь долгий Рамазан*, —
Вот наконец Шавваль*. Наполни, кравчий*, чаши!

547

Когда бываю трезв, не мил мне белый свет.
Когда бываю пьян, впадает разум в бред.
Лишь состояние меж трезвостью и хмелем
Ценю я, — вне его для нас блаженства нет.

548

У мира я в плену, — я это вижу ясно:
Своею тягочусь природою всечасно.
Ни тот, ни этот мир постичь я не сумел, —
Пытливый разум свой я напрягал напрасно.

553

Когда от жизненных освобожусь я пут
И люди образ мой забвенью предадут,
О, если бы тогда — сказать ли вам? —

для пьяниц

Из праха моего был вылеплен сосуд!

554

Когда б ты жизнь постиг, тогда б из темноты
И смерть открыла бы тебе свои черты.
Теперь ты сам в себе, а ничего не знаешь, —
Что ж будешь знать, когда себя покинешь ты?

555

Вплоть до Сатурна я обрыскал божий свет.
На все загадки в нем сумел найти ответ,
Сумел преодолеть все узы и преграды,
Лишь узел твой, о смерть, мной не распутан, нет!

556

Учению не один мы посвятили год,
Потом других учить пришел и нам черед.
Какие ж выводы из этой всей науки?
Из праха мы пришли, нас ветер унесет.

557

Умом ощупал я все мирозданья звенья,
Постиг высокие людской души паренья,
И, несмотря на то, уверенно скажу:
Нет состояния блаженней опьяенья.

558

Джемшида чашу я искал, не зная сна,
Когда же мной земля была обойдена,
От мужа мудрого узнал я, что напрасно
Так далеко ходил, — в моей душе она.

559

Пришел он, моего жизнекрушенья час,
Из темных волн, увы, я ничего не спас!
Джемшида кубок я, но миг — и он разбился;
Я факел радости, но миг — и он погас.

560

Палаток мудрости нашивший без числа,
В горнило мук упав, сгорел Хайям дотла.
Пресеклась жизни нить, и пепел за бесценок
Надежда, старая торговка, продала.

561

Когда вы за столом, как тесная семья,
Опять усядетесь, — прошу вас, о друзья,
О друге вспомнить и опрокинуть чашу
На месте, где сидел среди вас, бывало, я.

562

Когда Вселенную настигнет день конечный,
И рухнут небеса, и Путь померкнет Млечный,
Я, за полу схватив Создателя, спрошу:
«За что же ты меня убил, Владыка вечный?»

563

Блажен, кто на ковре сверкающего луга,
Пред кознями небес не ведая испуга,
Потягивает сок благословенных лоз
И гладит бережно душистый локон друга.

564

Жил ты, бедную душу грехами губя,
Без раскаянья жил, никого не любя,
И когда до своей доберешься могилы,
Отвернется, пожалуй, земля от тебя.

565

Возвеличит молва — то вина не твоя.
Полетит голова — то вина не твоя.
Ах, добро или зло приключится с тобою,
Вспомни эти слова — то вина не твоя.

566

Степь расцветшая раем покажется мне,
Будем помнить о саде, ручье и вине.
Мир свернет свой шатер при ущербной луне —
Пожалеет об этом сверкающем дне!

567

Сердце! Пусть хитрецы, сговорясь заодно,
Осуждают вино, дескать, вредно оно.
Если душу отмыть свою хочешь и тело —
Чаще слушай стихи, попивая вино.

568

На зеленой траве, у проточной воды,
Пей вино, пой стихи до ночной темноты,
Весел будь, ибо шепчет проточная влага:
«Ухожу, не вернись, — не вернешься и ты».

569

Виночерпий, свеча есть, вино и луна!
Виночерпий, подруга пьяна от вина!
Мое сердце горит, где вода, виночерпий? —
Загорюсь — и твоя это будет вина.

570

И цветы луговые увянут, увы,
И сады неземные обманут, увы.
Веселись, все равно твое имя забудут
На земле. И меня не помянут, увы.

571

Смерть однажды случится, моя и твоя,
И душа отлучится, моя и твоя.
Нас не будет, но в лунном и солнечном блеске
Смерть, как пар, растворится, моя и твоя.

572

До того, как замрешь на последней меже,
В этой жизни подумать успеи о душе,
Ибо там оказавшись с пустыми руками,
Ничего наверстать не сумеешь уже.

573

«От ран души вином себя избавь...»
Тогда на стол все вина мира ставь.
Моя душа изранена... Все вина
Давай сюда. Но раны мне оставь.

574

«Не станет нас». А миру — хоть бы что!
«Исчезнет след». А миру — хоть бы что!
Нас не было, а он сиял и будет!
Исчезнем мы... А миру — хоть бы что!

575

Ночь. Брызги звезд. И все они летят,
Как лепестки Сиянья, в темный сад.
Но сад мой пуст! А брызги золотые
Очнулись в кубке... Сладостно кипят.

576

Что там, за ветхой занавеской Тьмы?
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

577

Ты обойден наградой? Позабудь.
Дни вереницей мчатся? Позабудь.
Небрежен Ветер: в вечной Книге Жизни
Мог и не той страницей шевельнуть...

578

Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь... А пешки? — мы с тобой.
Подвигают, притиснут — и побили.
И в темный ящик сунут на покой.

579

Мир с пегой клячей можно бы сравнить,
А этот всадник, — кем он может быть?
«Ни в день, ни в ночь, — он ни во что
не верит!»
— А где же силы он берет, чтоб жить?

580

Без хмеля и улыбок — что за жизнь?
Без сладких звуков флейты — что за жизнь?
Все, что на солнце видишь, — стоит мало.
Но на пиру в огнях света и жизнь!

581

Пей! И в огонь весенней кутерьмы
Бросай дырявый, темный плащ Зимы.
Недлинен путь земной. А время — птица.
У птицы — крылья... Ты у края Тьмы.

582

Умчалась Юность — беглая весна —
К подземным царствам в ореоле сна,
Как чудо-птица, с ласковым коварством,
Вилась, сияла здесь — и не видна...

583

Мечтанья прах! Им места в мире нет.
А если б даже сбылся юный бред?
Что, если б выпал снег в пустыне знойной?
Час или два лучей — и снега нет!

584

«Мир громоздит такие горы зол!
Их вечный гнет над сердцем так тяжел!»
Но если б ты разрыл их! Сколько чудных,
Сияющих алмазов ты б нашел!

585

Проходит жизнь — летучий караван.
Привал недолог... Полон ли стакан?
Красавица, ко мне! Опустит полог
Над сонным счастьем дремлющий туман.

586

В одном соблазне юном — чувствуй всё!
В одном напеве струнном — слушай всё!
Не уходи в темнеющие дали:
Живи в короткой яркой полосе.

587

Добро и зло враждуют: мир в огне.
А что же небо? Небо — в стороне.
Проклятия и яростные гимны
Не долетают к синей вышине.

588

Кто в чаше Жизни капелькой блеснет, —
Ты или я? Блеснет и пропадет...
А виночерпий Жизни — миллионы
Лучистых брызг и пролил и прольет...

589

Там, в голубом небесном фонаре, —
Пылает солнце: золото в костре!
А здесь, внизу, — на серой занавеске —
Проходят тени в призрачной игре.

590

На блестку дней, зажатую в руке,
Не купишь Тайны где-то вдалеке.
А тут — и ложь на волосок от Правды,
И жизнь твоя — сама на волоске.

591

Хоть превзойдешь наставников умом, —
Останешься блаженным простаком.
Наш ум, как воду, льют во все кувшины.
Его, как дым, гоняют ветерком.

592

Бог создал звезды, голубую даль,
Но превзошел себя, создав печаль!
Растопчет смерть волос пушистый бархат,
Набьет землю рот... И ей не жаль.

593

В венце из звезд велик Творец Земли! —
Не истощить, не перечесть вдали
Лучистых гайн — за пазухой у Неба
И темных сил — в карманах у Земли!

594

Мгновеньями Он виден, чаще скрыт.
За нашей жизнью пристально следит.
Бог нашей драмой коротает вечность!
Сам сочиняет, ставит и глядит.

595

Хотя стройнее тополя мой стан,
Хотя и щеки — огненный тюльпан,
Но для чего художник своенравный
Ввел тень мою в свой пестрый балаган?

596

Один припев у Мудрости моей:
«Жизнь коротка, — так дай же волю ей!
Умно бывает подстригать деревья,
Но обкорнать себя — куда глупей!»

597

Подвижники изнемогли от дум.
А тайны те же сушат мудрый ум.
Нам, неучам, — сок винограда свежий,
А им, великим, — высохший изюм!

598

Живи, безумец!.. Трать, пока богат!
Ведь ты же сам — не драгоценный клад.
И не мечтай — не сговорятся воры
Тебя из гроба вытащить назад!

599

Что мне блаженства райские — «потом»?
Прошу сейчас, наличными, вином...
В кредит — не верю! И на что мне Слава:
Под самым ухом — барабанный гром?!

600

Вино не только друг. Вино — мудрец:
С ним разнотолкам, ересям — конец!
Вино — алхимик: превращает разом
В пыль золотую жизненный свинец.

601

Как перед светлым, царственным вождем,
Как перед алым, огненным мечом —
Теней и страхов черная зараза —
Орда врагов, бежит перед вином!

602

Вина! — Другого я и не прошу.
Любви! — Другого я и не прошу.
«А небеса дадут тебе прощенье?»
Не предлагают, — я и не прошу.

603

Над розой — дымка, вьющаяся ткань,
Бежавшей ночи трепетная дань...
Над розой щек — кольцо волос душистых...
Но взор блеснул. На губках солнце... Встань!

604

Вплетен мой пыл вот в эти завитки.
Вот эти губы — розы лепестки.
В вине — румянец щек. А эти серьги —
Уколы совести моей: они легки...

605

Ты опьянел — и радуйся, Хайям!
Ты победил — и радуйся. Хайям!
Придет Ничто — прикончит эти бредни...
Еще ты жив — и радуйся, Хайям.

606

Взгляни и слушай... Роза, ветерок,
Гимн соловья, на облачко намек...
— Пей! Все исчезло: роза, трель и тучка,
Развеял все неслышный ветерок.

607

Ты видел землю... Что — земля? Ничто.
Наука — слов пустое решето.
Семь климатов перемены — все то же:
Итог неутоленных дум — ничто!

608

В учености — ни смысла, ни границ.
Откроет больше тайный взмах ресниц.
Пей! Книга Жизни кончится печально.
Укрась вином мелькание границ!

609

Все царства мира — за стакан вина!
Всю мудрость книг — за остроту вина!
Все почести — за блеск и бархат винный!
Всю музыку — за бульканье вина!

610

Прах мудрецов — уныл, мой юный друг.
Развеяна их жизнь, мой юный друг.
«Но нам звучат их гордые уроки!»
А это ветер слов, мой юный друг.

611

Все ароматы жадно я вдыхал,
Пил все лучи. А женщин всех желал.
Что жизнь? — Ручей земной блеснул
на солнце
И где-то в черной трещине пропал.

612

Для раненой любви вина готовы!
Мускатного и алого, как кровь.
Залей пожар, бессонный, затаенный,
И в струнный шелк запутай душу вновь.

613

В том не любовь, кто буйством не томим,
В том хворостинок отсырелых дым.
Любовь — костер, пылающий, бессонный...
Влюбленный ранен. Он — неисцелим!

614

До щек ее добраться — нежных роз?
Сначала в сердце тысячи заноз!
Так гребень: в зубья мелкие изрежут,
Чтоб слаще плавал в роскоши волос!

615

Не дрогнут ветки... Ночь... Я одинок...
Во тьме роняет роза лепесток.
Так — ты ушла! И горьких опьянений
Летучий бред развеян и далек.

616

Пока хоть искры ветер не унес, —
Воспламеняй ее весельем лоз!
Пока хоть тень осталась прежней силы, —
Распутывай узлы душистых кос!

617

Ты — воин с сетью: ловляй сердца!
Кувшин вина — и в тень у дерева.
Ручей поет: «Умрешь и станешь глиной.
Дан ненадолго лунный блеск лица».

618

«Не пей, Хайям!» Ну, как им объяснить,
Что в темноте я не согласен жить!
А блеск вина и взор лукавый милой —
Вот два блестящих повода, чтоб пить!

619

Мне говорят: «Хайям, не пей вина!»
А как же быть? Лишь пьяному слышна
Речь гиацинта нежная тюльпану,
Которой мне не говорит она!

620

Любовь вначале — ласкова всегда.
В воспоминаньях — ласкова всегда.
А любишь — боль! И с жадностью друг друга
Терзаем мы и мучаем — всегда.

621

Шиповник алый нежен? Ты — нежней.
Китайский идол пышен? Ты — пышней.
Слаб шахматный король пред королевой?
Но я, глупец, перед тобой слабей!

622

Любви несем мы жизнь — последний дар?
Над сердцем близко занесен удар.
Но и за миг до гибели — дай губы,
О, сладостная чаша нежных чар!

623

«Наш мир — аллея молодая роз,
Хор соловьев и болтовня стрекоз».
А осенью? «Безмолвие и звезды,
И мрак твоих распущенных волос...»

624

«Стихий — четыре. Чувств как будто пять,
И сто загадок». Стоит ли считать?
Сыграй на лютне, — говор лютни сладок:
В нем ветер жизни — мастер опьянять...

625

В небесном кубке — хмель воздушных роз.
Разбей стекло тщеславно-мелких грез!
К чему тревоги, почести, мечтанья?
Звон тихий струн... и нежный шелк волос...

626

Не ты один несчастлив. Не гневи
Упорством Неба. Силы обнови
На молодой груди, упруго нежной...
Найдешь восторг. И не ищи любви.

627

Я снова молод. Алое вино,
Дай радости душе! А заодно
Дай горечи и терпкой, и душистой...
Жизнь — горькое и пьяное вино!

628

Сегодня оргия, — с моей женой,
Бесплодной дочкой Мудрости пустой,
Я развожусь! Друзья, и я в восторге,
И я женюсь на дочке лоз простой...

629

Не видели Венера и Луна
Земного блеска сладостней вина.
Продать вино? Хоть золото и веско, —
Ошибка бедных продавцов ясна.

630

Рубин огромный солнца засиял
В моем вине: заря! Возьми сандал:
Один кусок — певучей лютней сделай,
Другой — зажги, чтоб мир благоухал.

631

Сковал нам руки темный обруч дней —
Дней без вина, без помыслов о ней...
Скупое время и за них взимает
Всю цену полных, настоящих дней!

632

На тайну жизни — где б хотя намек?
В ночных скитаньях — где хоть огонек?
Под колесом, в неугасимой пытке
Сгорают души. Где же хоть дымок?

633

Пируй! Опять настроишься на лад.
Что забегать вперед или назад! —
На празднике свободы тесен разум:
Он — наш тюремный будничный халат.

634

Пустое счастье — выскочка, не друг!
Вот с молодым вином — я старый друг!
Люблю погладить благородный кубок:
В нем кровь кипит. В нем чувствуется друг.

635

Жил пьяница. Вина кувшинов семь
В него влезало. Так казалось всем.
И сам он был — пустой кувшин из глины...
На днях разбился... Вдребезги! Совсем!

636

Дни — волны рек в минутном серебре,
Песка пустыни в тающей игре.
Живи Сегодня. А Вчера и Завтра
Не так нужны и земном календаре.

637

Как жутко звездной ночью! Сам не свой.
Дрожишь, затерян в бездне мировой.
А звезды в буйном головокруженье
Несутся мимо, в вечность, по кривой...

638

Осенний дождь посеял капли в сад.
Взошли цветы. Пестреют и горят.
Но в чашу лилий брызни алым хмелем —
Как синий дым магнолий аромат...

639

Я стар. Любовь моя к тебе — дурман.
С утра вином из фиников я пьян.
Где роза дней? Ощипана жестоко.
Унижен я любовью, жизнью пьян!

640

Что жизнь? Базар... Там друга не ищи.
Что жизнь? Ушиб... Лекарства не ищи.
Сам не меняйся. Людям улыбайся.
Но у людей улыбок — не ищи.

641

Из горлышка кувшина на столе
Льет кровь вина. И всё в ее тепле:
Правдивость, ласка, преданная дружба —
Единственная дружба на земле!

642

Друзей поменьше! Сам день ото дня
Туши пустые искорки огня.
А руку жмешь, — всегда подумай молча:
«Ох, замахнутся ею на меня!..»

643

«В честь солнца — кубок, алый наш тюльпан!
В честь алых губ — и он любовью пьян!»
Пируй, веселый! Жизнь — кулак тяжелый:
Всех опрокинет замертво в туман.

644

Смеялась роза: «Милый ветерок
Сорвал мой шелк, раскрыл мой кошелек,
И всю казну тычинок золотую,
Смотрите, — вольно кинул на песок».

645

Гнев розы: «Как, меня — царицу роз —
Возьмет торгош и жар душистых слез
Из сердца выжжет злою болью?!» Тайна!..
Пой, соловей! «День смеха — годы слез».

646

Завел я грядку Мудрости в саду.
Ее лелеял, поливал — и жду..
Подходит жатва, а из грядки голос:
«Дождем пришла и ветерком уйду».

647

Я спрашиваю: «Чем я обладал?»
Что впереди?.. Метался, бушевал..
А станешь прахом, и промолвят люди:
«Пожар короткий где-то отпылал».

648

Ночь. Ночь кругом. Изрой ее, взволнуй!
Тюрьма!.. Все он, ваш первый поцелуй,
Адам и Ева: дал нам жизнь и горечь,
Злой это был и хищный поцелуй.

649

— Как надрывался на заре петух!
— Он видел ясно: звезд огонь потух.
И ночь, как жизнь твоя, прошла напрасно.
А ты проспал. И знать не знаешь — глух.

650

Сказала рыба: «Скоро ль поплывем?
В арыке жутко — тесный водоем».
— Вот как зажарят нас, — сказала утка, —
Так все равно: хоть море будь кругом!»

651

«Из края в край мы к смерти держим путь.
Из края смерти нам не повернуть».
Смотри же: в здешнем караван-сараяе
Своей любви случайно не забудь!

652

Где вы, друзья? Где вольный ваш припев?
Еще вчера, за столик наш присев,
Беспечные, вы бражничали с нами...
И прилегли, от жизни охмелев!

653

«Я побывал на самом дне глубин.
Взлетал к Сатурну. Нет таких кручин,
Таких сетей, чтоб я не мог распутать...»
Есть! Темный узел смерти. Он один!

654

«Предстанет Смерть и скосит наяву
Безмолвных дней увядшую траву...»
Кувшин из праха моего слепите:
Я освежусь вином — и оживу.

655

Гончар. Кругом в базарный день шумят...
Он топчет глину, целый день подряд.
А та угасшим голосом лепечет:
«Брат, пожалей, опомнись — ты мой брат!..»

656

Сосуд из глины влагой разволнуй:
Услышишь лепет губ, не только струй.
Чей это прах? Целую край — и вздрогнул:
Почудилось — мне отдан поцелуй.

657

Нет гончара. Один я в мастерской.
Две тысячи кувшинов предо мной.
И шепчутся: «Предстанем незнакомцу
На миг толпой разряженной людской».

658

Кем эта ваза нежная была?
Вздыхателем! Печальна и светла.
А ручки вазы? Гибкою рукою
Она, как прежде, шею обвила.

659

Что алый мак? Кровь брызнула струей
Из ран султана, взятого землей.
А в гиацинте — из земли пробился
И вновь завился локон молодой.

660

Над зеркалом ручья дрожит цветок;
В нем женский прах: знакомый стебелек.
Не мни тюльпанов зелени прибрежной:
И в них — румянец нежный и упрек...

661

Сияли зори людям — и до нас!
Текли дугою звезды — и до нас!
В комочке праха сером, под ногою
Ты раздавил сиявший юный глаз.

662

Светает. Гаснут поздние огни.
Зажглись надежды. Так всегда, все дни!
А свечерее — вновь зажгутся свечи,
И гаснут в сердце поздние огни.

663

Вовлечь бы в тайный заговор Любовь!
Обнять весь мир, поднять к тебе Любовь,
Чтоб, с высоты упавший, мир разбился,
Чтоб из обломков лучшим встал он вновь!

664

Бог — в жилах дней. Вся жизнь — Его игра.
Из ртути он — живого серебра.
Блеснет луной, засеребрится рыбкой...
Он — гибкий весь, и смерть — Его игра.

665

Прощалась капля с морем — вся в слезах!
Смеялось вольно Море — все в лучах!
«Взлетай на небо, упадай на землю, —
Конец один: опять — в моих волнах».

666

Сомненье, вера, пыл живых страстей —
Игра воздушных мыльных пузырей:
Тот радугой блеснул, а этот — серый...
И разлетятся все! Вот жизнь людей.

667

Вообрази себя столпом наук,
Старайся вбить, чтоб зацепиться, крюк
В провалы двух пучин — Вчера и Завтра...
А лучше — пей! Не трать пустых потуг.

668

Влек и меня ученых ореол.
Я смолоду их слушал, споры вел,
Сидел у них... Но той же самой дверью
Я выходил, которой и вошел.

669

Как будто был к дверям подобран ключ.
Как будто был в тумане яркий луч.
Про «Я» и «Ты» звучало откровенье...
Мгновенье — мрак! И в бездну канул ключ!

670

Как! Золотом заслуг платить за сор —
За эту жизнь? Навязан договор,
Должник обманут, слаб... А в суд потянут
Без разговоров. Ловкий кредитор!

671

Чужой стряпни вдыхать всемирный чад?!
Класть на прорехи жизни сто заплат?!
Платить убытки по счетам Вселенной?!
— Нет! Я не так усерден и богат!

672

Во-первых, жизнь мне дали, не спросясь.
Потом — невязка в чувствах началась.
Теперь же гонят вон... Уйду! Согласен!
Но замысел неясен: где же связь?

673

Наполнив жизнь соблазном ярких дней,
Наполнив душу пламенем страстей,
Бог отречения требует: вот чаша —
Она полна: нагни — и не пролей!

674

Казнись, и душу Вечности готовь,
Давай зароки, отвергай любовь.
А там весна! Придет и вынет розы.
И покаянья плащ разорван вновь!

675

Все радости желанные — срывай!
Пошире кубок Счастью подставляй!
Твоих лишений Небо не оценит.
Так лейтесь, вина, песни, через край!

676

Душа вином легка! Неси ей дань:
Кувшин округло-звонкий. И чекань
С любовью кубок: чтобы в нем сияла
И отражалась золотая грань.

677

В вине я вижу алый дух огня
И блеск иголок. Чаша для меня
Хрустальная — живой осколок неба.
«А что же Ночь? А Ночь —
ресницы Дня...»

678

Умей всегда быть в духе, больше пей,
Не верь убогой мудрости людей,
И говори: «Жизнь — бедная невеста!
Приданое — в веселости моей».

679

Да, виноградная лоза к пятам
Моим пристала, на смех дервишам.
Но из души моей, как из металла,
Куется ключ, быть может, — к небесам.

680

Будь мягче к людям! Хочешь быть
мудрей? —
Не делай больно мудростью своей.
С обидчицей-Судьбой воюй, будь дерзок.
Но сам клянись не обижать людей!

681

Просило сердце: «Поучи хоть раз!»
Я начал с азбуки: «Запомни — «Аз».
И слышу: «Хватит! Все в начальном слоге,
А дальше — беглый, вечный пересказ».

682

Ты плачешь? Полно. Кончится гроза.
Блеснет алмазом каждая слеза.
«Пусть Ночь потушит мир и солнце мира!»
Как?! Все тушить? И детские глаза?

683

Подстреленная птица — грусть моя,
Запряталась, глухую боль тая.
Скорей вина! Певучих звуков флейты!
Огней, цветов, — шучу и весел я!

684

Не изменить, что нам готовят дни!
Не накликай тревоги, не темни
Лазурных дней сияющий остаток.
Твой краток миг! Блаженствуй и цени!

685

Мяч брошенный не скажет: «Нет!» и «Да!»
Игрок метнул, — стремглав лети туда!
У нас не спросят: в мир возьмут и бросят.
Решает Небо — каждого куда.

686

Рука упрямо чертит приговор.
Начертан он? Конец! И с этих пор
Не сдвинут строчки и не смоют слова
Все наши слезы, мудрость и укор.

687

Поймал, накрыл нас миской небосклон,
Напуган мудрый. Счастлив, кто влюблен.
Льнет к милой жизни! К ней прильнул устами
Кувшин над чашей — так над нею он!

688

Кому легко? Неопытным сердцам.
И на словах — глубоким мудрецам.
А я глядел в глаза жестоким тайнам
И в тень ушел, завидуя слепцам.

689

В полях — межа. Ручей, Весна кругом.
И девушка идет ко мне с вином,
Прекрасен Миг! А стань о вечном думать —
И кончено: поджал ты хвост щенком!

690

Вселенная? — взор мимолетный мой!
Озера слез? — все от нее одной!
Что ад? — Ожог моей душевной муки.
И рай — лишь отблеск радости земной!

691

Не правда ль, странно? — сколько до сих пор
Ушло людей в неведомый простор
И ни один оттуда не вернулся.
Все б рассказал — я кончен был бы спор!

692

«Вперед! Там солнца яркие снопы!»
«А где дорога?» — слышно из толпы.
«Нашел... найду...» — Но прозвучит тревогой
Последний крик: «Темно, и ни тропы!»

693

Ты нагрешил, запутался, Хайям?
Не докучай слезами Небесам.
Будь искренним! А смерти жди спокойно:
Там — или Бездна, или Жалость к нам!

694

О, если бы в пустыне просиял
Живой родник и влагой засверкал!
Как смятая трава, приподнимаясь,
Упавший путник ожил бы, привстал.

695

Где цвет деревьев? Блеск весенних роз?
Дней семицветный кубок кто унес?..
Но у воды, в садах, еще есть зелень...
Прожгли рубины одеянья лоз...

696

Каких я только губ не целовал!
Каких я только радостей не знал!
И все ушло... Какой-то сон бесплотный
Все то, что я так жадно осязал!

697

Вниманье, странник! Ненадежна даль.
Из рук змеится огненная сталь.
И сладостью обманно-горькой манит
Из-за ограды ласковый миндаль.

698

Среди лужайки — тень, как островок,
Под деревцом. Он манит, недалек!..
Стой, два шага туда с дороги пыльной!
А если бездна ляжет поперек?

699

Не евши яблоч с дерева в раю,
Слепой щенок забился в щель свою.
А съевшим видно: первый день творенья
Завел в веках пустую толчею.

700

На самый край засеянных полей!
Туда, где в ветре тишина степей!
Там, перед тронем золотой пустыни,
Рабам, султану — всем дышать вольней!

701

Встань! Бросил камень в чашу тьмы Восток!
В путь, караваны звезд! Мрак изнемог...
И ловит башню гордую султана
Охотник-Солнце в огненный силок.

702

Гончар лепил, а около стоял
Кувшин из глины: ручка и овал...
И я узнал султана череп голый,
И руку, руку нищего узнал!

703

«Не в золоте сокровище, — в уме!»
Не бедный жалок в жизненной тюрьме!
Взгляни: поникли головы фиалок,
И розы блекнут в пышной бахrome.

704

Султан! При блеске звездного огня
В века седлали твоего коня.
И там, где землю тронет он копытом,
Пыль золотая выбьется звеня.

705

«Немного хлеба, свежая вода
И тень...» Скажи, но для чего тогда
Блистательные, гордые султаны?
Зачем рабы и нищие тогда?

706

Вчера на кровлю шахского дворца
Сел ворон. Череп шаха-гордеца
Держал в когтях и спрашивал: «Где трубы?»
Трубите шаху славу без конца!»

707

Жил во дворцах великий царь Байрам.
Там ящерицы. Лев ночует там.
А где же царь? Ловец онагров диких
Навеки пойман — злейшею из ям.

708

Нас вразумить? Да легче море сжечь!
Везде, где счастье, — трещина и течь!
Кувшин наполнен? Тронешь — и прольется.
Бери пустой! Спокойнее беречь.

709

Земная жизнь — на миг звенящий стон.
Где прах героев? Ветром разметен,
Клубится пылью розовой на солнце...
Земная жизнь — в лучах плывущий сон.

710

Расшил Хайям для Мудрости шатер, —
И брошен Смертью в огненный костер.
Шатер Хайяма Ангелом порублен.
На песни продан золотой узор.

711

Конь белый Дня, конь Ночи вороной
Летят сквозь мир в дворец мечты земной:
Все грезили его недолгим блеском!
И все очнулись перед нищей Тьмой!

712

Не смерть страшна. Страшна бывает жизнь,
Случайная, навязанная жизнь...
В потемках мне подсунули пустую.
И без борьбы отдам я эту жизнь.

713

Познай все тайны мудрости! — А там?..
Устрой весь мир по-своему! — А там?..
Живи беспечно до ста лет счастливецом..
Протянешь чудом до двухсот!.. — А там?..

714

Земля молчит. Пустынные моря
Вздыхают, дрожью алою горя.
И круглое не отвечает небо,
Все те же дни и звезды нам даря.

715

О чем ты вспомнил? О делах веков?
Истертый прах! Заглохший лепет слов!
Поставь-ка чашу — и вдвоем напьемся
Под тишину забывчивых миров!

716

Дождем весенним освежен тюльпан.
А ты к вину протягивай стакан.
Любуйся: в брызгах молодая зелень!
Умрешь — и новый вырастет тюльпан!

717

Нем царь Давид*! Стих жалобный псалом.
А соловей санскритским языком
Кричит: «Вина, вина! — над желтой розой, —
Пей! Алой стань и вспыхни торжеством».

718

Вино, как солнца яркая стрела:
Пронзенная, зашевелится мгла,
Обрушен горя снег обледенелый!
И даль в обвалах огненно светла!

719

Ночь на земле. Ковер земли и сон.
Ночь под землей. Навес земли и сон.
Мелькнули тени, где-то зароились —
И скрылись вновь. Пустыня... тайна... сон.

720

Жизнь расточай! За нею — полный мрак,
Где ни вина, ни женщин, ни гуляк...
Знай (но другим разбалтывать не стоит!)
Осыпался и кончен красный мак!

721

Предстанет Ангел там, где пел ручей,
Безмолвный Ангел с чашей. Будет в ней
Напиток смерти темный. И приблизит
Ее к губам. И ты без страха пей!

722

Кто розу нежную любви привил
К порезам сердца, — не напрасно жил!
И тот, кто сердцем чутко слушал Бога,
И тот, кто хмель земной услады пил!

723

Дал Нишапур нам жизнь иль Вавилон,
Льет кубок сладость или горек он? —
По капле пей немую влагу Жизни!
И жизнь по капле высохнет, как сон.

724

Как месяц, звезды радуга кругом,
Гостей обходит кравчий за столом.
Нет среди них меня! И на мгновенье
Пустую чашу опрокинь вверх дном.

725

О, если бы покой был на земле!
О, если бы покой найти в земле!
Нет! — оживешь весеннею травой
И будешь вновь растоптан на земле.

726

Вина пред смертью дайте мне, в бреду!
Рубином вспыхнет воск, и я уйду...
А труп мой пышно лозами обвейте
И сохраните в дремлющем саду.

727

Холм над моей могилой, — даже он! —
Вином душистым будет напоен.
И подойдет поближе путник поздний
И отойдет невольно, опьянен.

728

В зерне — вся жатва. Гордый поздний брат
Из древнего комочка глины взят.
И то, что в жизнь вписало Утро мира, —
Прочтет последний солнечный Закат.

729

От веры к бунту — легкий миг один.
От правды к тайне — легкий миг один.
Испей полнее молодость и радость!
Дыханье жизни — легкий миг один.

730

Вино всей жизни ходу поддает.
Сам для себя обуза, кто не пьет.
А дай вина горе — гора запляшет.
Вино и старым юности прильет!

731

Вином и пери счастье мне дано.
Пусть будет сердце радостью полно.
Всегда, пока я был, и есть, и буду,
Я пил, и пью, и буду пить вино.

732

Ты полон бодрой силой, — пей вино,
С прекрасноликой милой — пей вино.
Мир этот бренный — темные руины.
Забудь, что есть и было, — пей вино.

733

Где теперь эти люди мудрейшие нашей земли?
Тайной нити в основе творенья они не нашли.
Как они суесловили много о сущности Бога, —
Весь свой век бородами трясли — и бесследно ушли.

734

За мгновеньем мгновенье — и жизнь промелькнет...
Пусть весельем мгновение это блеснет!
Берегись, ибо жизнь — это сущность творенья,
Как ее проведешь, так она и пройдет.

735

О кравчий! Цветы, что в долине пестрели,
От знойных лучей за неделю сгорели.
Пить будем, тюльпаны весенние рвать,
Пока не осыпались и не истлели.

736

Пей с мудрой старостью златоречивой,
Пей с юностью улыбочиво красивой.
Пей, друг, но не кричи о том, что пьешь,
Пей изредка и тайно — в миг счастливый.

737

Ты сегодня не властен над завтрашним днем,
Твои замыслы завтра развеются сном!
Ты сегодня живи, если ты не безумен.
Ты — не вечен, как все в этом мире земном.

738

Будь жизнь тебе хоть в триста лет дана —
Но все равно она обречена,
Будь ты халиф или базарный нищий,
В конечном счете — всем одна цена.

739

Гостившие здесь прежде поколенья
Дремали в грезах самообольщенья.
Садись и пей! Все речи мудрецов —
Пустынный прах и ветра дуновенье.

740

Опять, как в пору юности моей,
Наполню чашу, ибо счастье в ней.
Не удивляйтесь, что горчит вино,
В нем горечь всех моих минувших дней.

741

Когда фиалки льют благоуханье
И веет ветра вешнего дыханье,
Мудрец — кто пьет с возлюбленной вино,
Разбив о камень чашу покаянья.

742

Душа ни тайн Вселенной не познала,
Ни отдаленной цели, ни начала.
В своем Сегодня радость находи,
Ведь не воротишь то, что миновало!

743

Не буду часа ждать, когда умру,
Когда пойду на глину гончару,
Пока еще не стал я сам кувшином,
Кувшин вина я выпью поутру.

744

Пусть эта пиала кипит, сверкает
Живым вином, что жизнь преобразает.
Дай чашу! Все известно, что нас ждет.
Спеши! Ведь жизнь всечасно убегает.

749

Ты сегодня не властен над завтрашним днем.
Твои замыслы завтра развеются сном!
Ты сегодня живи, если ты не безумен.
Ты — не вечен, как все в этом мире земном.

750

Чья рука этот круг вековой разомкнет?
Кто конец и начало у круга найдет?
И никто не открыл еще роду людскому —
Как, откуда, зачем наш приход и уход.

751

Я не от бедности решил вино забыть,
Не в страхе, что начнут гулякою бранить.
Я для веселья пил. Ну, а теперь — другое:
Ты — в сердце у меня, и мне не нужно пить.

752

Путиами поисков ты, разум мой, идешь
И по сто раз на дню твердить не устаетшь:
«Цени мгновение общения с друзьями!
Ты — луг, но, скошенный, опять не прорастешь!»

753

Будь радостен, напрасно не грусти,
Будь правым на неправедном пути.
И коль в конце — ничто, сбрось व्यок заботы,
Чтобы стезю свою легко пройти.

754

Не изменить того, что начертал калам.
Удела своего не увеличить нам.
Не подвергай себя тоске и сожаленьям.
От них напрасное мучение сердцам.

755

Зачем копить добро в пустыне бытия?
Кто вечно жил средь нас? Таких не видел я.
Ведь жизнь нам в долг дана, и то —
на срок недолгий,
А то, что в долг дано, не собственность твоя.

756

Всех, кто стар и кто молод, что ныне живут,
В темноту одного за другим уведут.
Жизнь дана не навек. Как до нас уходили,
Мы уйдем; и за нами — придут и уйдут.

757

О друг, заря рассветная взошла.
Так пусть вином сверкает пиала!
Зима убила тысячи Джамшидов,
Чтобы весна сегодня расцвела.

758

Коль наша жизнь мгновение одно,
Жить без вина, поистине, грешно.
Что спорить, вечен мир или невечен —
Когда уйдем, нам будет все равно.

759

Дождем Навруза увлажнилось поле.
Из сердца прочь гони и скорбь и боли.
Пируй теперь! Из праха твоего
В грядущем зелень вырастет — не боле.

760

В чертоге том, где пировал Бахрам,
Теперь прибежище пустынным львам.
Бахрам, ловивший каждый день онагров,
Был, как онагр, пещерой пойман сам.

761

Я вчера гончара в мастерской увидел,
Долго, яростно глину он в чане топтал.
Словом тайн ему глина шептала:
«Полегче! Как бы завтра ты сам
в этот чан не попал».

762

Что гнет судьбы? Ведь это всем дано.
Не плачь о том, что вихрем сметено.
Ты радостно живи, с открытым сердцем.
Жизнь не губи напрасно, пей вино!

763

Ты сердцу не ищи от жизни утоленья,
Где Джам и Кей-Кубад*? Они —
добыча тленья.
И вся Вселенная и все дела земли —
Обманный сон, мираж и краткое мгновенье.

764

Как странно жизни караван проходит.
Блажен, кто путь свой весел, пьян проходит.
Зачем гадать о будущем, саки?
Дай мне вина! Ночной туман проходит!

765

Кто слово разума на сердце начертал,
Тот ни мгновения напрасно не терял.
Он милость Вечного снискать трудом
старался —
Или покой души за чашей обретал.

766

Те, кому была жизнь полной мерой дана,
Одурманены хмелем любви и вина.
Уронив недопитую чашу восторга,
Спят вповалку в объятиях вечного сна.

767

Знай: в любовном жару — ледяным надо быть.
На сановном пиру — нехмельным надо быть.
Чтобы уши, глаза и язык были целы, —
Тугоухим, незрячим, немым надо быть.

768

Петь так петь, — соловьи все дружнеей
и дружнеей.
Пить так пить, — мы с друзьями пьянеей
и пьянеей.
Вот и роза в саду сладострастно раскрылась. —
Два-три раза на дню я склоняюсь над ней.

769

Веселись! В мире все быстротечно, мой друг.
Дух расстанется с телом навечно, мой друг.
Эти чаши голов, что столь гордо мы носим,
На горшки перелепят беспечно, мой друг.

770

Будь беспечен — печали не будет конца!
Будут звезды на небе сиять для глупца.
Из подножного праха, что был твоим телом,
Люди спелят кирпич для постройки дворца.

771

Пью не ради того, чтоб ханже насолить
Или сердце, не мудрствуя, развеселить, —
Мне хоть раз бы вздохнуть глубоко и свободно,
А для этого надобно память залить.

772

Изначальней всего остального — любовь.
В песне юности первое слово — любовь.
О, несведущий в мире любви горемыка,
Знай, что всей нашей жизни основа — любовь!

773

Пламенея, тюльпаны растут из земли
На крови государей, что здесь полегли.
Прорастают фиалки из родинок смуглых,
Что на лицах красавиц когда-то цвели.

774

О вращенье небес! О превратность времен!
За какие грехи я, как раб, заклеюмен?
Если ты к подлецам и глупцам благосклонно,
То и я не настолько уж свят и умен!

775

Я мятежный Твой раб! Где ж пощада Твоя?
Мое сердце скорбит. Где ж услада Твоя?
Если раем Ты жалуешь слуг своих верных, —
Это сделка, а где же награда Твоя?

776

Если ты не слепой, мглу могильную зри!
Эту полную смут, землю пыльную зри!
Сильных мира сего, в челюстях муравьиных
Этот мир, эту тризну обильную — зри!

777

От притворной любви — утolenия нет,
Как ни светит гнилушка — горения нет.
Днем и ночью влюбленному нету покоя,
Месяцами минуты забвения нет!

778

И сияние рая, и ада огни —
Мне мерещились на небе в давние дни.
Но Учитель сказал: «Ты в себя загляни —
Ад и рай, не всегда ли с тобою они?»

779

Твое тело, Хайям, лишь палатка в пути:
Вечный дух себе места не может найти.
Знак подаст повелитель отправиться дальше —
И торопятся слуги палатку снести.

780

Посмотри: все, чего я добился, — ничто.
Что узнал я и чем наслаждался — ничто.
Я — чудесный фонтан: истошился — ничто.
Я — волшебная чаша: разбился — ничто.

785

Благородство страданием, друг, рождено,
Стать жемчужиной — всякой ли капле дано?
Можешь все потерять, сбереги только душу,
Чаша снова наполнится, было б вино.

786

Не смотри, что иной выше всех по уму,
А смотри, верен слову ли он своему.
Если он своих слов не бросает на ветер —
Нет цены, как ты сам понимаешь, ему.

787

Мы разгадки вечной тайны не нашли,
Знаний о запретном не приобрели.
Место наше — сердце горестной земли.
Пей вино, тем длинным сказкам не внемли!

788

Мне, Боже, надоела жизнь моя.
Сыт нищетой и горьким горем я.
Из бытия небытие творишь ты,
Тогда избавь меня от бытия.

789

Те, что ясной мысли жемчуга сверлили,
О природе Бога много говорили,
Так и не узнав разгадки главной тайны,
Поболтали праздно, а потом — почили.

790

О мой избранник, о старинный друг!
Из-за коварства неба столько мук!
Сиди в углу ристалища спокойно,
Смотри, как веселится неба круг!

791

Я у горшечника купил кувшин однажды,
Он тайны мне открыл, что делает не каждый:
«Я с чашей золотой царем был, а теперь
Служу я пьяницам для утоленья жажды».

792

Вино! Любимое, чей облик так пригож!
Тебя я буду пить, а ты мой стыд умножь!
Я выпью столько, что, меня увидев, спросят:
«Кувшин вина, скажи, откуда ты идешь?»

793

И тот, кто молод, и тот, кто сед,
Из мира все уйдут друг другу вслед.
А царство мира все ничье, как прежде;
Кто был — ушел; придут — и вновь их нет.

794

Сверлильщики словесных жемчугов,
Искатели божественных основ,
Разгадки главной тайны не узнав,
Ушли из мира этого, потратив много слов.

795

Ах, где надежный друг? Ему я расскажу
О человеке то, что про себя твержу:
Из праха мук рожден, на глине бед замешан,
Придя на свет, спешит к другому рубежу.

796

Цветком я не закрою солнца свет,
Сказать о тайнах жизни — силы нет;
Из моря мысли жемчуг я извлек,
Но не сверлю его — страшусь я бед.

797

Глину мою замесил мой творец, что я поделать могу?

Пряжу он выпрял и ткань мою сшил, что я

поделать могу?

Зло ли вершу я, творю ли добро — все,

что ни делаю я,

Все за меня он давно предрешил, — что я

поделать могу?

798

Будь весел — никогда пределу горя нет.

Планеты в небесах не раз прочертят след.

Из праха твоего налепят кирпичей,

И в стены дома их уложит твой сосед.

799

Давно — до нас с тобой — и дни и ночи были,

И звезды, как сейчас, на небесах кружили.

Не знаешь, как ступить на этот прах земной, —

Зрачками любящих его песчинки жили.

800

Что ищешь радости? Миг — жизни всей итог!

Кубада, Джама прах — то пыль земных дорог.

Дела земли, — да нет, Вселенной все дела, —

Обман, мираж, и сон, что разум в плеть облек.

801

Мудрый старец, рассветает! Встать тебе
пораньше надо.

Юноша там землю сеет, не спускай с него ты
взгляда.

Ты скажи и посоветуй: «Сеи нежней, нежнее, чадо,
Это ведь глаза Парвиза*, мозг великого Кубада!»

802

Тот фиал*, что был красив и нов,
На дороге — кучей черепков.
Не ступай с презреньем на него, —
Сделан он из чаш людских голов.

803

Зачем сначала Ты явил такую милость,
Позволил, чтоб душа любовью обольстилась?
Теперь Ты хочешь боль и скорбь мне причинить —
Какой свершил я грех? Скажи мне, что случилось?

804

Если только ты наступишь на колючку, друг,
нежданно,

Знай — то локон луноликой, бровь красавицы
желанной.

И любой кирпич на башне величавого айвана —
То не палец ли везира? То не голова ль султана?

805

Да, жребий мертвеца не так, как мой, тяжел,
Ведь под землей мертвец спокойствие нашел.
Как я ни обмывал подол свой кровью глаз,
Всегда грязнее глаз кровавый мой подол.

806

Давно — до нас с тобой — и дни и ночи были,
И звезды, как сейчас, на небесах кружили.
Не знаешь, как ступить на этот прах земной, —
Зрачками любящих его песчинки жили.

807

Триста лет проживи или больше вдвойне,
А придется со всеми лежать наравне.
Под забором бродяга, герой на войне —
Все у смерти в одной невысокой цене.

808

Будь весел, ибо скорбь земная бесконечна
И звезды на небе сходятся будут вечно.
Сам прахом станешь ты, а прах твой кирпичом,
Кирпич — стеной жилья, — не твоего, конечно!

809

Будь осмотрителен — судьба-злодейка рядом!
Меч времени остер — не будь же верхоглядом!
Когда судьба тебе положит в рот халву,
Остерегись — не ешь: в ней сахар смешан с ядом!

810

Чуть ясной синевой взиграет день в окне,
Прозрачного вина желанна влага мне.
Раз принято считать, что истина горька,
Я вывод делаю, что истина — в вине.

811

Вино запрещено, но есть четыре «но»:
Смотря кто, с кем, когда и в меру ль пьет вино.
При соблюдении сих четырех условий
Всем здравомыслящим вино разрешено.

812

Вот он — час, когда роза снимает покров
И восторг соловья выразительней слов,
А голубка на древе, как суры Корана,
Каждый день повторяет свой утренний зов!

813

О, жемчужина, помнишь: сказал тебе я —
Постигающий нас постигает себя.
Время так же идет, как проходят и ночи —
Мы мечты не увидим в кругах бытия!

814

О мирах брались люди судить и рядить
И жемчужины знаний упорно сверлить.
Но о тайнах миров ничего не узнали,
Суесловя, заснули, чтоб больше не жить.

815

Люди в поисках в мире повсюду снуют,
От неведенья слезы кровавые льют.
Не дано им подняться до тайны великой,
И в бессилье красивые басни плетут.

816

Этот круг бытия жизнью странной пройдет,
И осколок времен, небом данный, пройдет...
Так нальем же вина в эту чашу веселья!
День прошел... Ночь пришла. Она тоже пройдет!

817

Не дарила судьба мне житейских побед,
Не светил мне в делах ее ласковый свет.
Лишь пытался я только вздох радости сделать, —
Открывались ворота страданий и бед.

818

У светил не для всех одинаковый ход,
Небо равных судеб никому не дает.
Все давно решено! Предавайся веселью —
Не построят тебе ведь другой небосвод!

819

Много дивного есть во вращенье небес,
Недоступно уму постиженье небес!
Ведь никто не избегнет глумленья небес,
Так зачем уповать на знаменья небес?

820

Будто шашки по клеткам шагаем мы все,
В чет иль нечет на свете играем мы все,
И под гнетом небес стан сгибаем мы все.
Мы — в пути, но уйдем. Это знаем мы все!..

821

Мы у Бога — игрушки творения все,
Во Вселенной Его лишь владения все.
И к чему состязания наши в богатстве —
Мы, не правда ль, в одном заточении все?

822

Не тобой была пущена рока стрела,
Так смирись, что идут против воли дела,
И пойми: когда злом и добром одеяли, —
Нитка рока в руках у тебя не была.

823

Благородной душе ведом праведный путь,
Знание первых начал, всего сущего суть.
Все, что выпало нам — исполненье вельенья,
И круги бытия не греховны ничуть.

824

Кто тебе в путешествии спутником стал,
О коварствах судьбы изначально не знал.
Мы стремимся и ищем, а небо решает:
«Будет то, что Художник тебе начертал!»

825

Лучше локон любимой, лаская, схватить,
Лучше с нею вино искрометное пить,
До того, как судьба тебя схватит за пояс —
Лучше эту судьбу самому ухватить!

826

То он лики чудесные миру дарит,
То творенья свои беспощадно крушит.
Нет таких, кто спросил бы у Мастера-рока:
Для чего, сотворив, он расправу вершит?

827

Свежесть утра дана, чтобы жизнь пробудить!
Значит, надо с вином и с возлюбленной быть,
Чтоб любимая нежным кокетством пленила,
А вино злой тоски разорвало бы нить.

828

Дуновения вешней поры хороши,
Музыкальных созвучий хоры хороши,
Пенье птиц и ручей у горы хороши...
Но лишь с милой все эти дары хороши!

837

До тебя и меня много сумерек было и зорь.
Не напрасно идет по кругам свод небес золотой.
Будь же тщателен ты, наступая на прах — этот прах
Был, конечно, зрачком, был очами красы молодой...

838

Когда я пью вино — так не вино любя.
Не для, того, чтоб все в беспутстве слить в одно.
А чтоб хоть миг один дышать вовне себя,
Чтоб вне себя побыть — затем я пью вино.

839

Мы цель создания, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира — перстень драгоценный,
А мы в том перстне — вправленный алмаз.

840

Плакала капля воды: «Как он далек, Океан!»
Слушая каплю воды, смехом вскипел Океан.
«Разве не все мы с тобой?» — капле
пропел Океан, —
Малой раздельны чертой», — капле гудел Океан...

841

Не запретна лишь с мудрыми чаша для нас
Или с милым кумиром в назначенный час.
Не бахвалься, пируя и после пирушки:
Пей немного. Пей изредка. Не напоказ.

842

Раз желаньям, Творец, Ты предел положил,
От рожденья поступки мои предрешил,
Значит, я и грешу с Твоего позволения
И лишь в меру Тобою отпущенных сил.

843

Пусть будет сердце страстью смятено.
Пусть в чаше вечно пенится вино.
Раскаянье Творец дарует грешным.
Я откажусь: мне ни к чему оно.

844

Если мудрость начертана в сердце строкой,
Значит, будет в нем ясность, любовь и покой.
Надо либо Творцу неустанно молиться,
Либо чашу поднять беззаботной рукой.

845

Чтоб добиться любви самой яркой из роз,
Сколько сердце извело горя и слез!
Посмотри: расщепить себя гребень позволил,
Чтобы только коснуться прекрасных волос.

846

В прах и пыль превратились цари, короли,
Все, кто спрятан в бездонное лоно земли.
Видно, очень хмельным их вином опоили,
Чтоб до Судного дня они встать не смогли.

847

Я хотел и страстей не сумел побороть;
Над душою царит ненасытная плоть.
Но я верю в великую милость господню:
После смерти простит мои кости Господь.

848

Да, лилия и кипарис — два чуда под луной,
О благородстве их твердит любой язык земной.
Имея двести языков, она всегда молчит,
А он, имея двести рук, не тянет ни одной.

849

От горя разлуки с тобою я вяну.
Куда бы ни шла, от тебя не отстану.
Уйдешь — все сердца погибают в печали,
Вернешься — они твоей жертвою стану.

850

Грех Хайям совершил и совсем занемог,
Пребывает в плену бесполезных тревог.
Верь, Господь потому и грехи позволяет,
Чтоб потом нас простить он по-божески мог.

851

За любовь к тебе пусть все осудят вокруг,
Мне с невеждами спорить, поверь, недосуг.
Лишь мужей исцеляет любовный напиток,
А ханжам он приносит жестокий недуг.

852

Листья дерева жизни, отпущенной мне,
В зимней стуже сгорают и в вешнем огне.
Пей вино, не горюй. Следуй мудрым советам:
Все заботы топи в искрометном вине.

853

Тайны мира, как я записал их в тетрадь,
Головы не сносить, коль другим рассказать.
Средь ученых мужей благородных не вижу,
Наложил на уста я молчанья печать.

854

Сокровенною тайной с тобой поделюсь,
В двух словах изолью свою нежность и грусть.
Я во прахе с любовью к тебе растворюсь,
Из земли я с любовью к тебе поднимусь.

855

Раз не нашею волей вершатся дела,
Беззаботному сердцу и честь и хвала.
Не грусти, что ты смертен, не хмурься в печали,
А не то тебе станет и жизнь не мила.

856

Знает твердо мудрец: не бывает чудес,
Он не спорит — там семь или восемь небес.
Раз пылающий разум навеки погаснет,
Не равно ль — муравей или волк тебя съест?

857

Влекут меня розам подобные лица
И чаша, чтоб влагой хмельной насладиться;
Хочу всем уладам земным причаститься,
Пока не настала пора удалиться.

858

Если к чаше приник — будь доволен, Хайям!
Если с милой хоть миг — будь доволен, Хайям!
Высыхает река бытия, но покуда
Бьет еще твой родник — будь доволен, Хайям!

859

Дверь насущного хлеба мне, Боже, открой:
Пусть не подлый подаст — сам дай щедрой рукой.
Напой меня так, чтобы был я без памяти,
Потому и заботы не знал никакой.

860

Я для знаний воздвиг сокровенный чертог,
Мало тайн, что мой разум постигнуть не смог.
Только знаю одно: ничего я не знаю!
Вот моих размышлений последний итог.

865

От земной глубины до далеких планет
Мироздания загадкам нашел я ответ.
Все узлы развязал, все оковы разрушил,
Узел смерти одной не распутал я, нет!

866

Цель Творца и вершина творения — мы,
Мудрость, разум, источник прозрения — мы.
Этот круг мироздания перстню подобен,
В нем граненый алмаз, без сомнения, мы.

Ջգարգ Փւռւցքերաւնց

Բսբաւնստ Օւարա Խաւնա

Սօա

О ПОЭМЕ Э. ФИТЦДЖЕРАЛЬДА «РУБАЙЯТ ОМАРА ХАЙЯМА»

Под впечатлением от рубаи Омара Хайяма Э. Фитцджеральд (1809—1883) написал поэму, названную им «Рубайят Омара Хайяма», включавшую 101 четверостишие. Это был достаточно вольный перевод, в котором фрагменты мыслей были сгруппированы в виде восточной поэмы. При написании своей поэмы Э. Фитцджеральд пользовался Бодлеанской рукописью, а также копией другой древней персидской рукописи из библиотеки Бенгальского азиатского общества.

Книга была издана в 1857 году на средства автора. Тираж составлял всего 250 экземпляров. В нее был включен также биографический очерк «Омар Хайям — персидский астроном и поэт», в котором был создан образ восточного мудреца, в юности — гедониста, в зрелом возрасте — разочарованного скептика, в старости — мистика.

Книга почти два года пролежала в книжной лавке, не заинтересовав ни одного покупателя. Неожиданно тираж разошелся полностью, сделав Э. Фитцджеральда знаменитым в одночасье. Малоизвестный английский поэт, талантливо уловивший и передавший дух оригинала, прославившись сам, прославил и не известного дотоле на Западе средневекового персидского

поэта, напомнив также и персам о том, что среди их преданных забвению поэтов есть поэты на все времена, чьи творения бессмертны. Незаслуженное забвение поэтического творчества Омара Хайяма на родине сменилось славой.

Как выяснили исследователи, в поэме Э. Фитцджеральда, которую, собственно, нельзя причислить к переводам как таковым, из 101 четверостишия только 49 имеют точные соответствия в рукописных оригиналах, которыми пользовался Э. Фитцджеральд, 44 названы составными, поскольку отдельные строки взяты из разных источников подлинника, несколько строф написано в соответствии с общим настроением оригинала, другие созвучны мотивам поэмы Аттара «Язык птиц» и некоторым газелям Хафиза. Уже одно соединение черт перевода и стилизации делает поэму Э. Фитцджеральда явлением редким в истории мировой литературы.

Созданная Э. Фитцджеральдом манера вольного переложения рубаи оказала влияние на всю европейскую традицию переводов Омара Хайяма, появились переводы, безукоризненные с литературной точки зрения, но далекие от текстуальной точности в соотношении с оригиналом.

Э. Фитцджеральд подготовил пять различных редакций перевода, а до конца XIX столетия его поэма «Рубайят Омара Хайяма» переиздавалась 25 раз. Он называл свой труд «своеобразным видом литературного метемпсихоза», подразумевая верную передачу духа

персидского текста при «переписывании», по его выражению, оригинала на английский.

В это издание включен неполный перевод поэмы Э. Фитцджеральда «Рубайят Омара Хайяма» выдающегося переводчика О. Румера.

1

Вставай! Свой камень в чашу тьмы
Рассвет
Уже метнул — и звезд на небе нет,
Гляди! Восходный Ловчий полонил
В силок лучей дворцовый минарет.

2

Неверный призрак утра в небе гас,
Когда во сне я внял призывный глас:
«В кабак, друзья! Пусть бьет вино ключом,
Пока ключ жизни не иссяк для нас».

3

А лишь пропел петух, перед крыльцом
Народ кричал: «Откройте ж двери в дом,
Где суждено так мало нам пробыть
И не вернуться никогда потом!»

5

Где розы пышные твои, Ирем?
Где кубок Джемшида, кто скажет нам?
А в гроздьях яхонт все еще горит,
И все цветут сады по берегам.

6

Умолк Давид, а розе соловей
На пехлеви* священном кличет: «Пей!
Пей, пей вино, пурпурное вино:
Оно ланиты делает алей».

7

Налей вина и в пламя вешних дней
Брось зимний покаянный плащ. Скорей!
Уж птица Время крылья подняла,
А ведь лететь, увы, недолго ей.

8

Будь Вавилон иль Нишапур твой град,
Горька ли чаша иль полна услад —
Напиток жизни сякнет с каждым днем
И с древа жизни листья все летят.

9

Сто свежих роз приносит утро в сад;
Одной, вчерашней, не вернуть назад.
И первый летний месяц, месяц роз
Вас унесет, Джемшид и Кей-Кубад

10

Пусть унесет! Что нам за дело, друг,
Что факел в жизни Джемшида потух!
Пускай зовут Рустам* с Зурабом* в бой,
А Хатим-Тай* к столу, но ты будь глух.

11

Пойдем туда, где дышится вольней,
На рубеже пустыни и полей,
Где все равно — султан ты или раб, —
И гордого Махмуда пожалей.

12

Стихи в тени деревьев, в знойный май
Кувшин вина и хлеба каравай,
И ты в пустыне с песней на устах,
О, для меня пустыня эта — рай!

13

Одних манит удел владык земли,
Других же рай, мерцающий вдали...
Держи что есть, о барышах забудь
И дальним барабанам не внемли!

14

Ты слышал, роза говорит: «Мой брат,
Гляди! Смеясь, я лью свой аромат.
Ты шелковый шнурок с моей мошны
Сорви и золотом осыпь весь сад».

15

Кто собирал золотые зерна в дом
И кто пустил их по ветру дождем,
Равно прейдут не в золото, а в прах.
Не станут их откапывать потом.

16

Твои надежды гибнут, человек!
Иль расцветают... и тогда, как снег,
Упавший на песчаный лик пустынь,
Сверкнув на миг, уносятся навек.

17

В сей караван-сарай, где на часах
Чреда ночей и дней стоит в воротах,
На краткий срок, отмеченный судьбой,
Свой пышный въезд свершал за шахом шах.

18

И льву и ящерице вход открыт
В тот зал, где древле пировал Джемшид;
В могилу Бахрама степной осел
Копытом бьет, но старый ловчий спит.

19

Скажи, где розы цвет еще так ал,
Как там, где кесарь кровью истекал?
А гиацинт в саду? Быть может, он
С чела, когда-то чудного, упал.

20

Трава, чьей зеленью окаймлена
Губа ручья... О, как она нежна.
Не мни ее! Кто знает, из каких
Когда-то нежных губ растет она.

21

Ах, утопи, вино, в своих волнах
О прошлом грусть и пред грядущим страх.
Ведь завтра, может быть, утонем мы
В бесчисленных умчавшихся веках.

22

Как много милых нам друзей (какой
Прекрасный урожай, о Время, твой!)
Уж осушили кубок твой до дна
И улеглись безмолвно на покой!

23

И мы, которые на смену им
С весной пришли и за столом шумим, —
И мы должны под сень могил сойти,
Чтоб для других могилой стать самим.

24

Но будем жить и сгоним грусть с лица,
Пока нам смерть не выслала гонца!
Став прахом, в прахе будем мы лежать
Без песни, без вина — и без конца.

25

Тем, кто лишь днем сегодняшним живут,
И тем, кто завтра с нетерпением ждут,
Страж с башни Тьмы равно кричит: «Глупцы!
Вам воздаянья нет ни там, ни тут».

26

Все мудрецы, которые в веках
Так тонко спорили о Двух Мирах,
Как лжепророки свергнуты; их речь
Развеял ветер, уста засыпал прах.

27

И я когда-то к магам и святым
Ходил, познанья жаждою томим.
Я им внимал; но уходил всегда
Через ту же дверь, что и являлся к ним.

28

Я помогал их тяжкому труду:
Сжал и холил мудрости Гряды...
И вот вся жатва, собранная мной:
Я, как вода, пришел; как ветер, уйду.

29

Я, как вода, в сей мир притек, не зная,
Ни для чего, ни из какого края;
И из него, как ветер через степь,
Теперь несусь — куда, не понимая.

30

Что, не спросясь, примчало нас сюда?
И, не спросясь, уносит нас — куда?
Чтоб память об обиде этой смыть,
Вино, друзья, пусть льется, как вода!

31

С Земли я за черту небесных тел
Вознесся и за трон Сатурна сел;
Распутал много я узлов в пути,
Лишь твоего не мог, людской удел.

32

Ах, дверь была закрыта на замок,
И сквозь завесу видеть я не мог.
Послышалась мне речь про «я» и «ты»,
Но через миг настал молчанью срок.

33

Земля молчит о том, кто дал ей свет;
И темен моря стонущий ответ;
Безмолвны твердь и хор ее светил,
То скрытый рукавом зари, то нет.

34

И я с тоской воззвал: Где факел тот,
При свете коего Судьба ведет
Своих детей, блуждающих во тьме?»
— «Чутье слепое», — молвил неба свод.

35

Тогда прильнул устами к чаше я,
Дабы познать источник бытия.
И мне уста ее шепнули: «Пей,
Пока ты жив. Жизнь коротка твоя».

36

И мнилось, глиняный сосуд давно
Когда-то жил, лобзал и пил вино;
А ныне поцелуй не дарить,
Лишь принимать устам его дано.

37

Раз к гончару привел меня досуг.
Он глину влажную месил... И вдруг
Из недр ее чуть внятную мольбу
Услышал я: «О, осторожней, друг!»

38

И разве не идет из века в век,
Сопровождая поколений бег,
Предание о том, что создан был
Из влажной глины первый человек?

39

И капля каждая вина, на грудь
Земли упав, находит в недра путь,
Чтоб потушить огонь тоски в очах,
Давно в глуби сокрытых где-нибудь.

40

Как на заре, подняв чело, тюльпан
Впивает горного вина дурман,
Так пей и ты, покуда Рок тебя
Не опрокинет, как пустой стакан.

41

Равно земле и небу вопреки
Грядущее презренью обреки
И утопи персты свои в кудрях,
Как юный тополь, стройного саки.

42

Ты пьешь вино, уста целуешь ты,
А завтра ждет их царство Пустоты;
Ты сам — ничто за жизненной чертой,
Такое же ничто и за чертой.

43

Пока на розах мы с тобой сидим,
Пей гроздий сок. Когда же Серафим
Тебе темней напиток поднесет,
Прими его, душой неколебим.

44

Ведь если чужд душе презренный тлен
И ей дано цвести средь райских стен,
То не позор, не срам ли для нее,
Смирясь, терпеть земной темницы плен?

45

Что наша плоть? Шатер, где отдохнуть
Прилег султан, чей в царство Смерти путь...
Его с зарей разбудит черный страж, —
У входа гость другой какой-нибудь.

46

Не мни, что Жизнь, закрыв навеки счет
Тебе и мне, в бездействии замрет:
Мильоны пенных брызг, подобных нам,
Бессмертный Кравчий пролил и прольет.

47

Когда тебя накроет смерти тень,
Над этим миром не померкнет день:
Вселенной столь же безразличен ты,
Как морю брошенный в него кремень.

48

В пустыне Хаоса на миг прильнуть
К колодцу Жизни нам дано... А чуть
Зашла звезда, уж караван спешит
К заре Небытия. Готовься в путь!

49

И если в тайну мировой души
Проникнуть хочешь в этот миг — спеши!
Как распознать, где истина, где ложь
И что над жизнью властвует в тиши?

50

Меж истиной и ложью только нить;
Где ж тот алиф*, которым бы открыть
Сумели мы к Сокровищнице путь
И к Самому Владыке, может быть?

51

Чьим скрытым духом, как огнем, согрет
Расколотый на бездну тварей свет?
И все они — от рыбы до луны —
Меняются и гибнут; Он же — нет.

52

Он зрим на миг — и вновь завесой скрыт,
Что между тьмой и зрелищем стоит,
Которое, чтоб вечность коротать,
Он сам творит, играет и глядит.

53

И если нынче тщетно острый взгляд
То в прах земли, то в блеск небесных врат
Вперяешь ты — чего ж от завтра ждать,
Когда на очи ляжет смертный плат?

54

Освободись от суетных забот,
Направленных на этот мир и тот!
Не лучше ль пить с весельем гроздий сок,
Чем ждать в тоске пустой иль горький плод?

55

Не мало лет прошло с тех пор, друзья,
Как новым браком сочетался я:
Бесплодный Ум от ложа я прогнал,
И дочь Лозы — теперь моя жена.

56

Как «есть» иль «нет», так «вверх»
или «вниз» равно
Определять умею я давно, —
Однако изо всех наук в одной
Я был глубок — в науке пить вино.

57

Мой календарь — так слух идет окрест —
Исправил год по указанью звезд...
О нет... но в нем для мертвого «вчера»
И «завтра» нерожденного нет мест.

60

Вино — непобедимый грозный шах.
Он с заколдованным мечом в руках
Скорбей и страхов черную орду
Преследует и повергает в прах.

61

Ведь если хмель — питомец Божьих рос,
Мы поносить не можем пьяных лоз.
То дар благой... Так примем же его!
А если злой, то кто его поднес?

62

Ужель, расплатой повергаем в страх
Иль упиваясь нектаром в мечтах,
Я от вина земного отрекусь,
Пока сосуд не превратился в прах?

63

О, свет надежд! О, черных страхов гнет!..
Одно лишь верно: эта жизнь течет.
Вот истина, все остальное ложь:
Цветок отцветший вновь не расцветет.

64

Не странно ли? Никто из тех, кто раз
Уже проник в ворота Тьмы до нас,
Не возвратился рассказать про путь,
Куда вступить и нам настанет час.

65

Все откровенья мудрецов земли
И тех, кому виденья душу жгли, —
Лишь сны; они их рассказали тем,
Кто им внимал, и снова спать легли.

66

Я душу посылал в незримый Край:
«Лети, душа, и что нас ждет, узнай!»
И мне она, вернувшись, принесла
Такой ответ: «Во мне и ад, и рай».

67

Рай — воплощенных грез виденье, ад —
Тень от души, расплавленной стократ;
И эта тень — на Тьме, откуда мы
Вчера пришли, куда идем назад.

68

Куда игрок направит мяч, туда
Летит он безо всяких «нет» иль «да».
Куда наш путь? Об этом знает Тот,
Тот, только Тот, кто бросил нас сюда.

69

Нас на доске ночей и дней вперед
И в стороны, как пешки, Рок ведет;
Порою вместе сталкивает, бьет
И друг за другом в ящик вновь кладет.

70

Что мир наш, в совокупности своей,
Как не игра магических теней?
Над сценой солнце, как фонарь, горит,
И люди-призраки скользят по ней.

71

За знаком знак чертит последний Рок
Перстом своим. И ни одну из строк
Не умолишь его ты зачеркнуть,
Не смоешь буквы слез твоих поток.

72

И кубка опрокинутого свод,
Под коим смертный, сгорбившись, живет,
Не призывай! Безгласный, как и мы,
Свершает он свой вечный оборот.

73

Последнего из нас дал первый ком —
Последней жатвы семя было в нем:
Что написал творенья первый день,
Прочтется вслух последним, Судным днем.

74

Вчера сегодняшней был зачат бред —
Источник громких, завтрашних побед...
Иль смерти. Пей! Откуда ты пришел,
Куда идешь, зачем — ответа нет.

75

В одушевленный глиняный комок,
Что мне в жилище предназначил Рок,
Вросла лоза, когда небесный Конь
Созвездья на хребте своем увлек.

76

Я с нею связан телом и душой.
Что ж! Может быть, металл ничтожный мой
Даст ключ к вратам, пред коими, ханжа,
Вотще твой жалкий раздается вой.

78

Как! Одарить простой земли комок
Сознанием, чтоб ощущать он мог
Ярмо соблазна и терпеть его
Под страхом мук, которым вечность — срок?

80

О Ты, на тяжкий путь мой искони
Поставивший силки и западни!
Когда паду в сеть рокового Зла,
Мне в грех мое паденье не вмени.

81

О Ты, кем Змий был в райский сад введен
И человек из праха сотворен!
Что на челе у нас клеймо греха,
Ты нам прости — и нами будь прощен.

82

... Я в мастерской у гончара стоял:
Кругом — сосудов глиняная рать.

83

Сосудов, слепленных на разный лад,
Вдоль длинных стен стоял за рядом ряд;
Одни болтливы были, а других
Прельщало слушать то, что говорят.

84

Один сказал: «Возможно ли, чтоб Он,
Которым я из глины сотворен,
Меня искусно создал для того,
Чтоб снова в глину был я превращен?»

85

Другой промолвил: «Отрок бережет
Бокал, даривший хмель... Ужели тот,
Кто сам любовно вылепил сосуд,
Его потом со злобой разобьет?»

86

Вдруг чей-то стон раздался; «Вам смешна
Моих краев неровных кривизна?
Рукой дрожащей, может быть, лепил
Меня гончар... Моя ли в том вина?»

87

Тогда один, имевший речи дар
И в чьей груди горел суфийский жар,
Воскликнул: «Вздор! Скажите же мне, кто,
По-вашему, сосуд и кто — гончар?»

88

Другой сказал: «Упорно говорят,
Что тех из нас, кто не удался, в ад
Столкнет гончар. Пустое! Верьте в то,
Что добрый он, — и все пойдет на лад».

89

Один шепнул, издав протяжный вздох:
«От долгого забвенья я засох;
Лишь сок родимых лоз в себя вобрав,
Я б вновь ожить и сил набраться мог».

90

Вдруг пролил месяц молодой сиянье
Своих лучей на хрупкое собрание...
И крик раздался: «Слышите, друзья,
В руках привратника ключей бряцанье!»

91

Когда забудусь я последним сном,
Мои останки ты омой вином
И в саване из листьев пьяных лоз
Меня в саду похорони родном.

92

Из-под земли мой пепел гробовой
Захватит в плен благоуханный свой
Прохожего, который через сад
Пройдет в мечеть с поникшей головой.

93

Мои кумиры, ваша в том вина,
Что жизнь моя навек посрамлена:
В стакане — имя доброе мое,
А честь моя за песню продана.

94

Не раз, Хайям, неслись твои мечты
К раскаянью, — но был ли трезвым ты?
И вновь, и вновь твой покаянный плащ
Рвала Весна, несущая цветы.

95

Хоть надо мной ты учинил грабеж,
Злой хмель, похитив чести плащ, — я все ж
Дивлюсь тому, кто продает вино:
Ценней вина едва ли что найдешь.

96

С увядшей розой весна уйдет,
И старость книгу юности замкнет;
А соловей, который пел в ветвях, —
Откуда и куда его полет?

97

Когда б в пустыне свой прекрасный лик,
Пусть даже смутно, мне явил Родник, —
Усталый путник, я бы, как трава,
Стопою смятая, к нему приник.

98

О, если б дух слетел какой-нибудь,
Чтоб книгу Рока вовремя замкнуть
И приказать суровому писцу
Все изменить иль вовсе зачеркнуть.

99

Любовь моя! Когда бы Он вручил
Нам этот мир, который так уныл, —
Его в куски разбили б мы и вновь
Слепили так, чтоб сердцу стал он мил.

100

Как много раз твой рост и твой ущерб
Еще увижу, милый лунный серп!
Но час придет — и тщетно будешь ты
Меня искать под сенью этих верб.

101

Когда, саки, для благостных услуг
Ты, словно месяц, вступишь в звездный круг
Гостей веселых — в память обо мне
Переверни пустую чашу, друг!

ПРИМЕЧАНИЯ

АЛИФ — название первой буквы арабского алфавита.

БАХРАМ, БАЙРАМ — персидский царь Сасанидской династии Варахран, живший в V веке, герой многих героических сказаний и поэм.

ДЖЕЙХУН — старое арабское название Амударьи.

ДЖАМШИД (ДЖЕМШИД) — легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

ДИВАН — собрание стихов.

ЗЕМЗЕМ — название колодца в Мекке, воду которого считают святой, обладающей чудотворной силой.

ЗУРАБ (СОХРАБ) — один из героев «Шахнаме», сын витязя Рустама, сраженный им в поединке.

ЗУХРА — обозначение планеты Венера в средневековой исламской литературе. В переводе с арабского означает «лучезарная» или «блестящая». По легенде, женщина за красоту и игру на чанге взлетела на небо.

ИОСИФ ЕГИПЕТСКИЙ — библейский Иосиф Прекрасный, любимый сын Иакова, проданный братьями в рабство в Египет. Образ Юсуфа благодаря популярности предания, изложенного в Коране, широко

использовался в персидской классической литературе как символ красоты и жертвы предательства.

КАВСЕР (КАВСАР) — по легенде, источник в раю.

КАЛАМ (КАЛЕМ) — тростниковое перо.

КЕЙ-ХОСРОВ (Кайхусрау) — из легендарных царей из династии Кейянидов, средневековые историки ассоциировали его с Киrom Великим, основателем исторической династии Ахеменидов (правил в 558—529 гг. до н.э.).

КЕЙ-КУБАД (КУБАД) — легендарный древнеиранский царь из династии Кейянидов, один из героев «Шах-наме».

КРАВЧИЙ — ведающий царским столом (придворный чин на Руси с конца XV до начала XVIII в.в.).

КРУЖАЛО — кабак, питейный дом в старину в России.

ЛАЛ — устаревшее название для большинства драгоценных камней красного или кроваво-красного цвета.

МАХМУД ГАЗНЕВИ — султан из династии Газневидов, царствовал в 998—1030 гг.

ПАРВИЗ ХОСРОВ II — шахиншах из династии Сасанидов, правивший Ираном с 591 до 628 года, последний великий сасанидский император. Один из самых известных шахов Ирана.

ПЕХЛЕВИ — среднеперсидский язык, часто именуется священным, поскольку на нем составлен целый ряд авторитетных зороастрийских текстов.

РАМАЗАН — месяц поста, когда от восхода до захода солнца запрещено есть и пить.

РУСТАМ — легендарный богатырь, герой эпических сказаний иранцев, один из центральных персонажей «Шах-наме».

САКИ — кравчий, виночерпий.

СИМУРГ — фантастическое существо в иранской мифологии, царь всех птиц.

СКРИЖАЛИ — каменные доски с написанными на них десятью божественными заповедями (по библейскому сказанию).

ФАРИДУН — имя мифического царя.

ФАРРАШ — слуга, расстилающий молитвенный коврик.

ФИАЛ — стеклянный сосуд с узким горлышком.

ХАРАБАТ — питейный дом, винный погребок.

ХАТИМ-ТАЙ — (Хатем Таи, Хатим ат-Таи) — прославленный доисламский арабский поэт-воин (кон. VI в. — нач. VII в.), воспетый во многих сказаниях как образец щедрости и благородства.

ХЫЗР — по легенде, чудотворец, хранитель источника живой воды.

ЦАРЬ ДАВИД (ДАВУД, ДАУД) — библейский царь, в ислам вошел как один из пророков, почитаем как непревзойденный певец.

ЧАНГ — струнный ударный музыкальный инструмент.

ШАВВАЛЬ — десятый месяц мусульманского лунного календаря, следует за Рамазаном.

ЮСУФ — см. **ИОСИФ ЕГИПЕТСКИЙ**

СОДЕРЖАНИЕ

Царь философов Запада и Востока	4
Омар Хайям. Рубай	14
1–375. Перевод Г. Плисецкого.	
376–383. Перевод Л. Некоры.	
384–563. Перевод О. Румера.	
564– 572. Перевод А. Кушнера.	
573–730. Перевод И. Тхоржевского.	
731– 765. Перевод В. Державина.	
766– 786. Перевод Г. Семенова.	
787– 805. Перевод А. Старостина.	
806– 807. Перевод В. Гардова.	
808– 811. Перевод Л. Пеньковского.	
812– 831. Перевод Н. Тенигина.	
832– 840. Перевод К. Бальмонта.	
841– 866. Перевод Н. Стрижкова.	
О поэме Э. Фитцджеральда «Рубайт Омара Хайяма» ...	232
Э. Фитцджеральд. «Рубайт Омара Хайяма» (Поэма).	
Перевод О. Румера	235
Примечания	259

- Хайям, Омар**
X 15 Рубаи [Текст]/О. Хайям. Составитель и художник
Л.К. Бабаева. — Ташкент: ИПТД «Узбекистан», 2016. —
264 с.

ISBN 978-9943-28-686-3

В книге собраны лучшие переводы на русский язык всемирно известных четверостиший — рубаи классика персидско-таджикской поэзии, ученого, математика, астронома и философа Омара Хайяма. Современного читателя и Омара Хайяма разделяет почти тысячелетие. Но оказывается, что стихи этого восточного мудреца, исполненные глубокого философского смысла, актуальны и сегодня. В рубаи уместается весь жизненный опыт человека: это и веселый спор с судьбой, и печальные беседы с вечностью; в них сфокусированы метания мыслящей души. Омар Хайям оставил потомкам вечное послание, проникнутое редкостной свободой духа. Его рубаи занимают особое место в сокровищнице мировой культуры.

УДК: 821.222.8-1
ББК 84(5Тад)

Литературно-художественное издание

ОМАР ХАЙЯМ

РУБАИ

Составитель и художник	Л.К. Бабаева
Редактор	Л. Бабаева
Художественный редактор	Ш. Ходжаев
Технический редактор	Т. Харитоновна
Компьютерная верстка	Ф. Батырова

Издательская лицензия АІ № 158, 14.08.09.

Подписано в печать 10 июня 2016 года.

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$ Бумага офсетная.

Гарнитура «Academy TAD». Печать офсетная.

Условно-печатных листов 13,86+0,84 вклейки.

Учетно-издательских листов 6,29+0,82 вклейки.

Тираж 3000 экз.

Заказ № 16-363.

Издательско-полиграфический творческий дом
«Узбекистан» Узбекского агентства по печати и информации.

100011, г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Телефон: (371) 244-87-55, 244-87-20

Факс: (371) 244-37-81, 244-38-10.

e-mail: uzbekistan@iptd-uzbekistan.uz

www.iptd-uzbekistan.uz